

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

СЕДЬМЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В трех томах
Том 3

МАТЕРИАЛЫ

УДК 009(063)
ББК 94л0
С28

*Печатается в соответствии с планом
научно-исследовательских работ ИГУ*

Редакционная коллегия:

А. В. Аргучинцев (гл. ред.), Ю. А. Зуляря (науч. ред.),
Е. А. Матвеева (отв. ред.), И. П. Белоус, Н. С. Коноплев,
Н. С. Малова, В. В. Монжиевская, Р. Ф. Проходовская,
В. Ю. Рабинович, Л. Н. Харченко

С28

Седьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 3 т. Т. 3 : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 108 с.

ISBN 978-5-9624-0904-7

ISBN 978-5-9624-0907-8 (т. 3)

Сборник включает в себя материалы Седьмых Байкальских международных социально-гуманитарных чтений, прошедших в г. Иркутске в 2013 г. Основу тома составили работы, представленные к очередной ежегодной открытой конференции студентов и аспирантов исторического факультета ИГУ «КЛИО-2013». Издание включает студенческие работы по археологии, отечественной истории, мировой истории в средние века, новое и новейшее время, истории международных отношений, актуальным проблемам мировой политики и современных международных отношений, политологии и другим научным дисциплинам.

Издание адресовано преподавателям высшей и общеобразовательной школ, аспирантам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся проблемами истории, политологии и международных отношений.

УДК 009(063)
ББК 94л0

Научное издание

СЕДЬМЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В 3 томах. Том 3

Печатается в авторской редакции

Темплан 2013. Поз. 251

Подписано в печать 28.12.2013. Формат 60х90 1/16

Уч.-изд. л. 5,6. Усл. печ. л. 6,7. Тираж 100 экз. Заказ 295

Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-0904-7

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ISBN 978-5-9624-0907-8 (т. 3)

ЕЖЕГОДНАЯ ОТКРЫТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИГУ «КЛИО-2013»

Секция «АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА»

А. С. САВИНОВА

Иркутский государственный университет

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ОСТРОВА ОЛЬХОН: К ПРОБЛЕМЕ РАЗРУШЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Более 130 лет на Ольхоне проводятся работы по обнаружению, изучению и сохранению объектов историко-культурного наследия. На территории острова зафиксировано более 167 объектов, самый ранний из которых относится к эпохе верхнего палеолита. Задачами этой работы являются систематизация данных об изучении острова и освещение проблемы разрушения памятников из-за природных и антропогенных факторов.

Ольхон – единственный крупный остров на Байкале, площадью в 730 км². Он расположен в средней части озера у западного берега. От материка его отделяют Малое море и пролив Ольхонские ворота. Основные скопления археологических объектов здесь были обнаружены на северо-западном побережье и побережье пролива Ольхонские ворота. Скалистые берега на юго-восточной стороне почти не посещались древним человеком. Там зафиксированы лишь временные стоянки промыслового значения [1, с. 3–4].

Изучение о. Ольхон можно условно разделить на несколько этапов: дореволюционный (1879–1912 гг.), довоенный (1921–1923 гг.), советский (1956–1990 гг.), современный (с 1992 г.).

Дореволюционный этап начинается с открытия о. Ольхон как объекта археологического изучения. И. Д. Черский, занимавшийся описанием побережья оз. Байкал, отметил в 1879 г. наличие каменных стен на мысах Шибэтэ и Харгой. Обнаруженные Черским каменные стены были осмотрены в 1881 г. Н. Н. Агапатовым [1, с. 8].

Изучение археологических памятников о. Ольхон в довоенный период связано с именем П. П. Хороших. Во время археологической разведки 1921–1923 гг. на северо-западном побережье им были найдены стоянки древнего человека, захоронения бурят, а также наскальный рисунок на мысе Бурхан. Возобновляет работу Хороших только в 1956 г. [1, с. 10].

В 1950–60-е гг. на острове краеведом Н. М. Ревякиным было обнаружено 17 древних памятников. Найденные артефакты стали основой экспозиции Хужирского краеведческого музея [1, с. 10]. В 1959–1969 гг. проводились исследования под руководством М. П. Грязнова и В. В. Свирина, направленные на выявление древних памятников [1, с. 11].

В 1968–1979 гг. крупные работы были проведены экспедицией ИИФФ СО АН СССР под руководством А. П. Окладникова [1, с. 11]. Были обследованы разновременный могильник и стоянка на мысе Бурхан. Окладников обнаружил два погребения «серовского» времени. Другие погребения содержали орудия китойского и глазковского периодов. Разведками также обнаружено неолитическое поселение в Листвиничной губе, материалы которого позволили уточнить хронологию древних культур Приольхонья [2, с. 268].

С 1973 г. на Ольхоне проводились раскопки отрядами КАЭ ИГУ под руководством О. И. Горюновой и В. В. Свирина. Отряды занимались изучением многослойных поселений в местности Тышкинэ, могильников, ритуальных комплексов железного века и новых могильников эпохи неолита [1, с. 12]. В 1980-х гг. на Ольхоне действовал отряд КАЭ ИГУ в составе О. И. Горюновой, Н. Е. Бердниковой, В. М. Ветрова. В культовой пещере на мысе Бурхан им были обнаружены находки периода ламаизма (обломки пиалы, фарфоровые статуэтки) и эпохи неолита (фрагменты

керамики, изделия из кости, отщепы нефрита) [1, с. 13]. С 1985 г. на острове периодически действовали отряды новостроечной археологической экспедиции ИГУ под руководством О. И. Горюновой и А. В. Харинского.

Сегодня археологические работы связаны в большей степени с выделением земельных участков на острове. В 2005–2007 гг. велись спасательные работы на объектах, попадающих в зону строительства дорог и ЛЭП. По отчетам ЦСН с 1986 по 2008 г. выявлено 24 новых археологических памятника. Для некоторых населенных пунктов определены границы территорий с особыми условиями их использования, разработаны методы охраны зон с объектами археологического наследия. Однако таких мер недостаточно для сохранения историко-культурного наследия о. Ольхон.

По данным Института географии им. Сочавы СО РАН, рельеф острова меняется под воздействием антропогенных факторов. Изменения усиливаются каждый год из-за наплыва туристов. Участки степи разрушаются в связи с выпасом скота [4, с. 9]. Ежегодно в июле-августе на острове находится одновременно от 15 до 20 тыс. человек [3]. Целостность почвы нарушается квадрациклами, автомобилями, пешими и конными туристами. Вывозится подъемный материал на сувениры. Ольхон является частью национального парка, но на острове существует лишь три организованных туристических маршрута. Деятельность отдыхающих на его территории не регламентируется. Исключения есть только для автомобильного транспорта.

Мыс Харгой, Шибэтский мыс, с расположенными на них остатками каменных стен-«городищ» – наиболее посещаемые места. Туристический маршрут Хужир – мыс Хобой пролегает через мыс Саган-Хушун с искусственным рвом и земляным валом позднего железного века и местность Узур, в которой располагается палеолитическая стоянка. Часто посещается падь Тэшкинэ с расположенными там многослойными поселениями и мыс Бурхан. Местом рекреационной нагрузки является район бухты Перевозная, где организована паромная переправа (пять археологических объектов временного охвата от неолита до XIX в.).

Кроме того, рельеф острова подвержен природному разрушению. На Восточном побережье зафиксированы перманентные обвалы пород [4, с. 9]. Вдоль северо-западного побережья острова отмечено перемещение песчаных масс [4, с. 28]. Не стоит забывать и о постоянном размывании берегов озера.

Проводимых действий для защиты не хватает. Нужно упорядочить доступ туристов и местного населения к объектам историко-культурного наследия, стимулировать падающее землепользование, обеспечить консервацию, музеефикацию объектов, а также определить территории с особыми условиями использования не только для крупных населенных пунктов, но и для всего северо-западного побережья острова. Ограничить природное воздействие зачастую невозможно. Единственное решение проблемы – проведение археологических работ на территории объектов.

Литература

1. Горюнова О. И. Ольхонский район: материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области /О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1995. – Ч. 1 : Остров Ольхон. – 142 с.
2. Окладников А. П. Раскопки на о-ве Ольхон и мысу Бурхан /А. П. Окладников, И. В. Асеев, А. К. Конопацкий //Археологические открытия 1975 г. – М. : Наука, 1976. – С. 267–268.
3. Туризм и его воздействие на природу в Прибайкальском национальном парке [Электронный ресурс]. – URL: <http://refoteka.ru/r-96516.html> (дата обращения: 8.03.2013).
4. Экологически ориентированное планирование землепользования в Байкальском регионе. Ольхонский район /Ю. М. Семенов, А. Н. Антипов, В. В. Буфал [и др.]. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 147 с.

Секция «ИСТОРИЯ РОССИИ В X – НАЧАЛЕ XX ВВ.»

К. А. АДАМОВА

Иркутский государственный университет

ЛЮТЕРАНСТВО В ИРКУТСКЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В наше время краеведческая проблематика является крайне важной для развития всей исторической науки. Ведь знание истории своей «малой Родины» порой помогает нам лучше разбираться в глобальных исторических процессах.

Город Иркутск имеет насыщенную многовековую историю. Однако и в ней осталось ещё немало «белых пятен». Одним из таких забытых сюжетов является история лютеранской церкви в дореволюционном Иркутске.

Первые лютеране в Иркутске появились ещё в XVIII столетии, а уже к концу 1-й четверти XIX в. здесь сложилась евангелическо-лютеранская община. Следовательно, у местного населения возросла необходимость в строительстве отдельного здания для отправления религиозного культа. В 1826 г. МВД Российской империи официально разрешило строительство церкви и организацию сбора средств для этой цели. Её строительство длилось около двух лет. 3 января 1829 г. деревянная кирха, которая располагалась на пересечении Спасской и Селивановской улиц была освящена и в ней начали вести церковные службы и хронику [7]. Однако во время пожара 1879 г. зданию лютеранской церкви не удалось уцелеть, вместе с ним погиб и весь церковный архив.

Основной вклад в строительство новой каменной церкви был внесён самими лютеранами города Иркутска. По данным летописи Н. С. Романова известно, что в общей сложности пожертвования иркутян на строительство кирхи составляли 10 159 руб. 80 коп. [2, с. 126]. Новое здание было спроектировано известным инженером-архитектором бароном Г. В. Розеном и располагалось на пересечении главных улиц города: Большой и Амурской. По-

стройка новой каменной кирхи с залом на 150 посадочных мест, по данным летописи Н. С. Романова, была окончена в октябре 1885 г. [2, с. 126].

Особое внимание необходимо уделить изучению лютеранской церкви, как особой общественной и религиозной организации. Важную роль здесь играет священнослужитель – пастор. Являясь дивизионным проповедником всей Восточной Сибири, он получал в пользование дом (пасторат), землю для хлебопашества и казённое жалование, которое на протяжении 2-й половины XIX столетия увеличилось с 300 до 1000 руб. в год [7].

О самих пасторах церкви удалось найти немного сведений. По данным памятных книжек Иркутской губернии известно, что в 1873 г. пастором Евангелическо-лютеранской церкви являлся пастор М. Курц [5, с. 74], а с 1877 г. – отец Ратке [6, с. 80]. Первое упоминание о пасторе Г. В. Сиббуле датировано 1902 г., и связано с тем, что иркутский пастор во время очередной ежегодной поездки по приходу проехал 8 587 верст [7]. По данным метрических книг, во время подобных поездок пастор крестил или подтверждал факт крещения детей, венчал молодых, фиксировал факт смерти среди лютеранского населения.

Сведения о численном составе паствы в различные периоды времени сохранились в памятных книжках Иркутской губернии, а также в летописи Н. С. Романова. По данным памятной книжки за 1861 г. отмечалось, что в это время в городе проживало 90 лютеран [7]. В 1873 г. число лютеран значительно возросло – до 293 человек: 248 мужчин и 45 женщин [5, с.88]. В 80-х гг. XIX в. численность паствы продолжала увеличиваться. По данным переписи 1889 г. в Иркутске уже проживало 347 лютеран (в том числе 222 немца) [7]. Это даёт возможность утверждать, что примерно за три десятилетия их численность, в общем и целом увеличилась, а следовательно, возросла и общественная значимость самой лютеранской церкви.

Начало XX в. – это период активной деятельности прихожан лютеранской церкви в общественной жизни города. В 1903 г. в Иркутске было учреждено Сибирское отделение евангелического библейского общества. Уже через три года лютеранская община организовала при церкви трёхклассную школу, которая готовила своих воспитанников для поступления в среднюю школу. В 1910 г. по инициативе пастора была открыта лютеранская школа, в которой преподавали учителя Е. Лесневская и А. Бернарделли [7].

Однако этот период процветания церкви был прерван произошедшей революцией 1917 г., а затем начавшейся гражданской войной. Существует мнение, что кирха была закрыта ещё в 1919 г., однако, как свидетельствует Епископ Томас Майер, который в 1925 г. совершал путешествие по Сибири, в церкви в это время исправно проводились службы, а численность прихода достигала 100 человек [3].

В дальнейшем здание церкви отдали для нужд Педагогического института. «Кирха была занята под общежитие, а церковная библиотека, находившаяся в двух больших шкафах на хорах, по распоряжению директора института была свезена в утиль» [4, с. 123]. Однако стоит оговориться, что подтвердить данный факт документально пока не удалось.

В послевоенный период здание церкви окончательно пришло в упадок. В летописи Ю. П. Колмакова за период 1940–1991 гг. встречается любопытная фотография, на которой изображена улица Карла Маркса до того момента, как она была заасфальтирована (т. е. до 1947 г.). Кроме деревянной брусчатки, по левому краю фотографии, можно наблюдать и полуразрушенное здание кирхи, естественно без креста [1, с. 578]. Решение от 4 февраля 1952 г. Исполкома горсовета об освобождении места под строительство памятника вождю мирового пролетариата окончательно определило судьбу Кирхи Вознесения Христова – архитектурного памятника XIX столетия [1, с. 172].

В заключение хотелось бы сказать, что сейчас, к сожалению, мало кто знает и помнит о том, какое здание находилось на месте пересечения центральных улиц города до того момента, как был установлен памятник В. И. Ленину. А между тем, многочисленные фотографии, сделанные в начале XX столетия, доказывают, что лютеранская кирха действительно была очень красивой церковью. В ней проводили праздничные службы, крестили детей, венчали молодых, отпевали умерших. А это значит, что судьбы многих иркутян были связаны с этим зданием. Конечно, лютеранская община была не самой большой в Иркутске, но её члены, безусловно, внесли значительный вклад в развитие нашего города в дореволюционный период его существования.

Литература

1. Иркутская летопись 1940–1991 гг. /сост. Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Оттиск, 2010. – 719 с.

2. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. /сост. Н. С. Романов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 544 с.
3. Майер Т. В Сибирь: в служении Евангельско-лютеранской церкви с иллюстрациями и картой /Т. Майер. – М. : Готика, 2005. – 176 с.
4. Медведев С. И. Иркутск на почтовых открытках 1899–1917 гг. : Ист.-библиогр. альбом-кат. /С. И. Медведев. – М. : Галарт, 1996. – 646 с.
5. Памятная книжка Иркутской губернии за 1873 г. – Иркутск : Тип. Н. Н. Синецына, 1873. – 105 с.
6. Памятная книжка Иркутской губернии за 1877 г. – Иркутск : Губерн. тип., 1877. – 182 с.
7. Черказьянова И. В. Организация духовной жизни лютеран Сибири: хроника событий (XVIII в. – 1919 г.) [Электронный ресурс]: /И. В. Черказьянова //Иzv. OГИK музея. – Омск, 1999. – № 7. –URL: <http://www.religiityumeni.ru/showthread.php?t=81> (дата обращения: 29.01.2013).

Е. А. БОЛОТОВА

Иркутский государственный университет

ВОЗЗРЕНИЯ СИБИРЯКОВ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX в.

Начало XX в. ознаменовалось бурными событиями для России. Как реагировали сибиряки на происходящее, что волновало умы и трогало сердца сто лет назад? Именно в сибирской печати отчетливо отражалось изменение взглядов сибиряков на окружающую их действительность. Официальная пресса, помимо постановлений и распоряжений, также писала о ключевых проблемах региона и взглядах сибирской интеллигенции. В данной работе мы по материалам официального печатного органа Иркутской губернии газеты «Иркутские губернские ведомости» рассмотрим, как формировались воззрения сибиряков начала XX в. на отечественную действительность.

Русско-японская война была значимым событием для России. В губернской газете рамки освещения военной темы были строго очерчены. Невзирая на близость Восточной Сибири к местам военных действий, о войне публиковали в основном официальные, присылаемые из центра телеграммы с информацией о ходе боев и приказами главного командования. Иногда появлялись в рубрике «Смесь» перепечатки забавных военных случаев, таких как «Допрос русского солдата японским генералом» [1, 1904, № 3820, с. 3].

Всегда актуальная для Сибири тема ссылки и каторги в «Иркутских губернских ведомостях» освещается отстраненно, без критики государственной политики. Внимание авторы «Ведомостей» уделяли только уголовным ссыльным и каторжникам. Авторская позиция по отношению к проблеме ссылки четко не выражена: между строк мы находим не осуждение преступников, а сочувствие к ним. В материале «Разбитая жизнь» читатели в форме рассказа узнают о судьбе одного каторжника, о бегстве, о поимке и возвращении его обратно на место каторги. Автор, скрывавшийся под псевдонимом Крестьянин рассказал о произошедшем без обобщений, намеренно дистанцируясь от читателя и негласно предлагая ему сделать вывод самому [1, 1904, № 3632, с. 2].

В материале Т. Ефимова «Вот встреча!.. (Сибирская бьль)» в центре повествования – судьба ходока из Европейской России в Сибирь, вольнопоселенца, который встречает помощь и поддержку в Сибири не у местных, а у своего земляка, попавшего сюда в ссылку и отбывшего каторгу. Бывший каторжник завел в Сибири новую семью и зарабатывает на жизнь мелким воровством. Ходок, не нашедший участия больше ни у одного сибиряка, возвращается в Центральную часть империи [1, 1904, № 3634, с. 2]. Действительно, редко кто из вольнопоселенцев из Европейской России закреплялся на сибирских землях. А бывшие преступники после отбытия наказания продолжали вести прежний образ жизни, понижая безопасность и культурный уровень Сибири [2, с. 217].

На революционную тему, помимо перепечаток из центральных изданий о беспорядках в других губерниях, помещались оригинальные материалы, иллюстрирующие отношение сибирского народа к деятельности революционеров. Судя по этим статьям, большинство крестьян были враждебно настроены к революционерам, потому что не понимали, зачем учитель – тот, кто несет просвещение, – вместе с какими-то людьми собирает народ в центре деревни, дает в руки оружие, предлагая свергнуть царя и сбрасывать иконы. С. Смирнова в материале «О шестой заповеди» повествует о лицемерии революционеров, которые якобы ратуют за свободу личности, но пользуются насильственными методами борьбы [1, 1905, № 4225, с. 2].

Несмотря на то, что губернская газета явно не одобряла революционеров, в ней публиковались материалы о негативных

сторонах существующей социальной действительности. П. Заякин беспристрастно рассказывает нам о сером нищенском существовании военных писарей, имеющих мизерные средства для жизни, питающихся скудно, живущих в совместном вагончике и не видящих ничего, кроме работы с утра до ночи [1, 1905, № 4055, с. 2].

Открытой критике явлений социальной реальности посвящена рубрика «Маленький фельетон». В ней авторы «Иркутских губернских ведомостей» пытаются бороться с заблуждениями и суевериями народа. К примеру, подробно разоблачается деятельность коновалов, якобы «лечащих» животных жестокими и абсурдными методами. Корреспонденты газеты уповают на образованных людей, которые могут оценить нелепость и варварство коновалов и просветить народ. «Сельские священники и народные учителя, представляя собой элемент просвещенный, постоянно живущий в массе народа и имеющий с ними одни и те же общественные интересы, также должны были бы деятельно способствовать искоренению варварства коновалов» [1, 1900, № 34, с. 2].

Корреспондентов «Иркутских губернских ведомостей» волновала проблема чистоты городских улиц. В таких материалах, как «Мысли об оздоровлении Иркутска», в словах автора слышится крик души всех горожан: необходимо убрать клозеты с улиц и сделать водопровод. Автор Д. Лаушкин видит в грязи причину болезней. Он переводит проблему улучшения гигиены города с бытового уровня на морально-нравственный: «Как физическое, так и нравственное здоровье тесно связано с домашним состоянием и общественным благодеянием. Разрушительное влияние нездоровых помещений распространяет нравственный тиф, который со своим последствием, несравненно более губелен, чем даже чума или холера» [1, 1903, № 2, с. 2].

Широко освещались в «Иркутских губернских ведомостях» проблемы работы учителей в деревнях и селах. В публикации «Из переписки двух учителей» Природин в форме дружеской беседы рассказывает о том, как нерадостно встречают учителя, приехавшего работать в глухую деревню. Сельские старосты не обеспечивают ему никаких условий для жизни и работы, крестьяне видят в нем новую обузу, легшую на их плечи [1, 1904, № 3650, с. 2].

В начале XX в. театр был одним из немногих развлечений и способов времяпрепровождения, поэтому неудивительно, что

театральная тема была крайне популярна на страницах «Иркутских губернских ведомостей». Практически постоянной была рубрика «Театр», где можно было ознакомиться с рецензиями на спектакли, которые давали в городском драматическом театре. Монополизация театра была часто освещаемой темой. Автор Несо-Гласный с болью рассуждает, что муниципалитеты препятствуют образованию «общепользовательных» учреждений – театров, музеев, библиотек. В частности, он сообщает, что дирекция городского театра ходатайствовала о недопущении открытия второго театра в городе – зрительного зала общественного собрания. Несо-Гласный радуется здоровую конкуренцию и отнюдь не считает, что в новых условиях один из двух театров погибнет [1, 1902, № 262, с. 3].

Безусловно, авторских материалов в «Иркутских губернских ведомостях» было немного. Но даже такое количество позволяет нам увидеть панораму тем, волновавших сибиряков в начале XX в. Авторы «Иркутских губернских ведомостей» писали о ссылке и каторге, о революции, уделяли немало внимания социальным реалиям, затрагивали учительские и молодежные темы, много материалов посвящали театру и театральному делу, публиковали исторические и литературоведческие работы. Позиция авторов статей чаще всего была выражена в скрытой форме или вовсе отсутствовала. Редко, но встречается очевидная авторская оценка и острая критика. Авторы губернской газеты старались не отставать от освещения происходивших в стране и регионе событий и изменяющихся настроений в обществе. Таким образом, официальная пресса Восточной Сибири, как и частная, полноправно может считаться отражением воззрений сибирских жителей в начале прошлого столетия.

Литература

1. Иркутские губернские ведомости : офиц. губерн. газ. – Иркутск, 1900–1908.
2. Шахеров В. П. Ссылка как фактор хозяйственного и социокультурного освоения Сибири // Сибирская ссылка : сб. науч. ст. – Иркутск, 2011. – Вып. 6 (18). – С. 208–223.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ПРИЗРЕНИЮ НИЩИХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Одним из направлений общественного призрения является помощь взрослым нуждающимся, оказываемая на дому, т. е. без помещения в учреждения закрытого типа, так называемое открытое призрение.

В Иркутске помощь нуждающимся такого рода в рассматриваемый период оказывалась в виде выдачи постоянных или единовременных пособий, в уплате за них податей, в доставлении одежды, обуви, необходимых инструментов, в продаже по удешевленной цене необходимых продуктов питания и т. д. Средства на эти нужды поступали исключительно из доходов со специальных благотворительных капиталов, которые вносились разными жертвователями на определенные цели. Собственно городских средств на нужды призрения не выделялось.

Развитие форм открытого призрения, осуществлявшихся иркутским городским общественным управлением, можно разделить на два периода, рубежом между которыми стал 1899 г. До этого времени все обязанности по общественному призрению лежали на городской управе, а с 1899 г. для этих целей при ней была образована специальная исполнительная комиссия по заведыванию благотворительными капиталами.

До 1899 г. управа в деле назначения пособий, по-видимому, либо обращалась к содействию местного благотворительного общества, либо передавала средства в местные церкви для раздачи нуждающимся прихожанам. Управа, как она сама заявляла, не была знакома с положением просителей, следовательно, обследование материального и семейного положения нуждающихся ею не производилось.

Новый этап в призрении нуждающихся наступил с 1899 г., когда при городской управе начала свою работу городская исполнительная комиссия по заведыванию благотворительными капиталами (благотворительная комиссия). На нее возлагались практически все обязанности по организации в городе общественного призрения.

В начале своей деятельности члены благотворительной комиссии желали создать попечительство о бедных с привлечением к его работе местного населения, а также установить тесные связи с благотворительным обществом. Однако в итоге вся деятельность комиссии свелась к назначению и выдаче пособий тем нуждающимся лицам, которые подавали прошения в ее канцелярию. А обследование материального и семейного положения просителей было возложено на специально приглашенного комиссара.

По данным на 1909 г. в распоряжении городской благотворительной комиссии находилось 16 специальных благотворительных капиталов, проценты с которых составляли сумму более 13 тыс. руб. Примерно половина из них предназначалась на выдачу единовременных пособий. Из этих средств не только выдавались деньги, но и практиковалась помощь натурой: покупка лекарств, одежды и обуви, снабжение нуждающихся, способных к труду, необходимыми инструментами и т. д. Примерно 2 300 руб. расходовались на ежемесячные пособия, 2 000 руб. – на брачные пособия бедным девушкам, 600 руб. – на ремонт домов бедных жителей, 924 руб. – на уплату податей и повинностей и т. д.

С созданием благотворительной комиссии дело общественного призрения, находящееся в ведении городского общественного управления стало более организованным. Все бедные жители, подающие прошение о пособиях, фиксировались канцелярией комиссии и проводилась тщательная проверка их материального и семейного положения. Это позволяло более справедливо и целесообразно расходовать имеющиеся в распоряжении комиссии средства.

За десятилетний период (1899–1909 гг.) в благотворительную комиссию обратилось 11 243 чел. Однако постоянно нуждающихся, получающих помощь, было 3 340 чел., что составляло менее 5 % от всего населения города. Насколько такую постановку дела можно признать удовлетворительной, судить сложно, так как никаких статистических исследований не проводилось. Однако в 1913 г. губернатором был поднят вопрос об установлении за счет города более рационального порядка призрения нищих в Иркутске. Это свидетельствует о том, что существующее положение дел уже не отвечало запросам времени.

В рассматриваемый период Иркутск в деле призрения взрослых нуждающихся шел тем же путем, что и другие города Российской империи. Особых достижений сделано не было. Не удалось образовать попечительство о бедных, данная сфера не финансировалась из городского бюджета, а жила лишь на частных пожертвованиях. В 1913 г. городская дума поручила благотворительной комиссии разработать вопрос о более рациональной постановке дела общественного призрения, однако это начинание так и не сдвинулось с места.

Ю. П. КОРЧИГО

Иркутский государственный университет

ЧЕРТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ЕВРОПЕЙСКИХ КОНСТИТУЦИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В «ГОСУДАРСТВЕННОЙ УСТАВНОЙ ГРАМОТЕ» 1820 Г.

В Государственной уставной грамоте Российской империи 1820 г., подготовленной «чиновником канцелярии чрезвычайного уполномоченного в Варшаве гр. Н. Н. Новосильцевым, в сотрудничестве с секретарем французом П. И. Пешар-Дешаном, а также поэтом кн. П. А. Вяземским» [5, с. 382], важнейшим положением «предполагалось создание общероссийского представительного органа» [4, с. 150].

В литературе отмечают сходные положения Уставной грамоты со статьями уже действовавших на тот момент конституций Западных стран. При ее написании был учтен опыт «польской конституции 1815 г., французских конституций 1799 и 1814 г., а также конституций германских государств – Конституционных актов Великого герцогства Баденского 1818 г. и Вюртембергского 1819 г.» [6, с. 102]. Во всех проектах сходство прослеживается в одинаковом количестве палат – по две – вводимого представительного органа. Законопроекты во всех конституционных актах могли поступать на рассмотрение в любую палату. Однако тот факт, что во всех документах за главой государства закреплялось исключительное право созыва палат, а также назначения новых выборов, может означать декларативность подобного рода представительств. Этого не меняет даже положение, согласно которому «без рассмотрения и одобрения представительных органов ни один закон не мог иметь силу» [3, с. 186].

В текстах европейских конституций стоит отметить заметные различия в нормах, прописывавших порядок формирования палат. Статьи о формировании верхней палаты учреждаемого по Уставной грамоте Государственного сейма – Сената, включающего великих князей и сенаторов, назначаемых императором, даже в терминологии повторяли статьи польской конституции. С той оговоркой, что по ст. 109 польской конституции число сенаторов ограничивалось половиной числа членов нижней палаты [2], а по ст. 136 Уставной грамоты их число ограничивалось $\frac{1}{4}$ нижней палаты [1, с. 246]. Наблюдается также сходство в формировании российского Сената с французской палатой пэров, назначаемой королем. При сравнении с баденской конституцией, по которой число назначаемых герцогом членов в верхней палате ограничено и не может превышать 8 человек, обнаруживается больше различий, чем сходства [2].

Особенно сильны различия между европейскими конституциями в нормах, устанавливавших правила формирования нижней палаты. Так, в баденской, польской и французской хартиях отсутствовал принцип утверждения монархом членов палаты, а статьи первых двух точно закрепляли численный состав членов палаты. По баденскому акту нижняя палата формировалась из 63 депутатов от городов и округов. Активным избирательным правом обладали все граждане, достигшие 25-ти лет, проживающие в пределах избирательного округа, исключая членов верхней палаты, а правом быть избранными – граждане, достигшие 30-ти лет независимо от своего местожительства [2]. Нижняя палата польского сейма – палата депутатов или послов – состояла из 128 депутатов, избиравшихся путем прямого голосования. 77 депутатов избирались дворянами на сеймиках, а 51 – избирателями в гминах. Правом голоса по конституции обладали все дворяне, внесенные в дворянскую книгу повета, достигшие 21 года и владевшие недвижимой собственностью. Избирателями являлись также остальные граждане, имеющие недвижимость и уплачивающие за нее налог [3, с. 151]. Французская хартия 1814 г., не устанавливая численный состав членов нижней палаты, определяла, что она должна включать свыше 50 человек, при этом избранными могли стать лица 40 лет, платящие налог 1 000 франков. Депутатский корпус формировался избирательными коллегиями, причем членом коллегии мог стать мужчина не моложе 30 лет, уплачивающий не менее 300 франков прямого налога [2].

По Уставной грамоте формирование нижней палаты Государственного сейма «предполагалось комбинированным способом» [3, с. 188]. Для начала, согласно ст. 112, палата депутатов наместнического сейма должна была избирать $\frac{1}{4}$ из числа «стоящих налицо послов и депутатов». Согласно тексту, они являются лишь кандидатами в формирующуюся палату [3, с. 187], которая «составляется по назначению государя» (ст. 114) [1, с. 246] таким образом, что из двух послов, избранных палатами наместнических сеймов в Посольскую палату, назначается только один (ст. 125).

Новым для политической традиции России первой половины XIX в. было намерение учредить наряду с общегосударственным Сеймом местные сеймы, состоящие из двух палат: верхней – Сената и нижней – посольской палаты. Весьма интересным в плане представительства является проект формирования нижней палаты наместнического сейма. Из трех кандидатов «избранных уездными дворянскими собраниями и гражданскими обществами» (ст. 148) императором назначались два. Избирательными правами дворянского собрания должны были обладать дворяне старше 25 лет, записанные в книгу своего уезда, владевшие недвижимым имуществом и пользовавшиеся правами граждан, а для гражданских обществ предполагался ценз в 25 лет и запись в градской обывательской книге [3, с. 187–188].

Таким образом, мы видим, что избирательным правом по Уставной грамоте могла обладать небольшая группа, однако, и здесь предполагалось введение своеобразного способа влияния на формирование представительного органа, отсутствовавшего в нормах европейских конституций.

Различия между документами прослеживаются и в сроках действия нижней палаты. Так, по французской конституции нижняя палата формировалась на четыре года и заседала ежегодно. Уставная грамота в этом плане повторяла польскую и баденскую конституции. Однако если по этим актам палаты созывались каждые два года на время сессии (продолжительность сессии по польской конституции была установлена в 30 дней), то разработчики Уставной грамоты пошли еще дальше, предполагая осуществлять созыв депутатов каждые пять лет, на время сессии равной 30 дням.

В плане законодательной инициативы по баденскому акту обе палаты, наряду с монархом, имели это право и могли выска-

зывать представления и жалобы. По Уставной грамоте, польской конституции и французской хартии представительный орган был ограничен кругом вопросов, представленных главой государства. Однако в последней, согласно ст. 19 и 20, каждая из палат, после одобрения другой палаты, могла просить короля предложить закон, высказав ему свое мнение [2].

Круг вопросов, выносимых для обсуждения в представительный орган, по Уставной грамоте равнозначен, с небольшими уточнениями, кругу вопросов, означенному в других конституциях. К нему относятся: установление налогов, расписание бюджета, «все проекты законов гражданских, уголовных и по части управительной, которых действие распространяется на всю империю» [1, с. 246].

Подводя итог, следует заметить, что при оценке Уставной грамоты в плане введения представительного органа либеральные историки и правоведы (А. Н. Пыпин, В. И. Семевский, В. Е. Якушкин) находили проект, с одной стороны, либеральным для своего времени и соответствующим западноевропейской и российской конституционной теории и практике того времени, а с другой – отмечали сохранение в нем всех prerogatives монархической власти [6, с. 107]. В проекте не копировался слепо европейский опыт, а имелось собственное видение устройства представительства, пусть даже в таком «урезанном» виде.

В России первой половины XIX в. впервые после проекта М. М. Сперанского был выдвинут четко сформулированный и продуманный конституционный проект, хотя стоит признать, что проект Сперанского был либеральнее в плане принципов формирования палат и широты полномочий представительного органа. Но несмотря на всю ограниченность Уставной грамоты по сравнению с европейскими конституциями и другими российскими проектами преобразований, введение представительного органа, предполагавшееся в соответствии с этим документом, и для Александра I, и для его современников означало бы «радикальное изменение политической системы» [4, с. 151].

Литература

1. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии : сб. док. – М. : Гардарики, 2000. – 624 с.
2. Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://worldconstitutions.ru>.

3. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. /С. В. Мироненко. – М. : Наука, 1989. – 240 с.

4. Представительная власть в России: история и современность /под общ. ред. Л. К. Слиски. – М. : Росспэн, 2004. – 591 с.

5. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 457 с.

6. Скрипилев Е. А. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. //Сов. государство и право. – 1980. – № 7. – С. 100–108.

Е. А. ЛЮТИНА

Иркутский государственный университет

НИЖНИЙ ЗЕМСКИЙ СУД КИРЕНСКОГО УЕЗДА

Эта работа посвящена деятельности нижнего земского суда Киренского уезда в конце XVIII – начале XIX в. Нижний земский суд выполнял основные функции на местах и являлся одним из самых важных и деятельных органов. Он занимался не только ведением судебных дел, но и административно-хозяйственными делами, в том числе вопросами, касающимися демографической ситуации в уезде, эпидемий, пожаров и т. п. Об активной деятельности нижнего земского суда свидетельствует большое количество материалов, донесений и рапортов от мирских изб.

При написании данной работы автор поставил перед собой следующие задачи:

- ознакомиться с историей судебной системы России XVIII в.;
- изучить особенности введения губернской реформы в Сибири на примере Киренского уезда;
- рассмотреть деятельность нижнего земского суда в Киренском уезде, определить место, которое он занимал в общей системе судебных органов на местах.

Основными источниками, использованными в работе, являются дела, отложившиеся в фонде 9 Государственного архива Иркутской области. Они представлены указами, приказами и ведомостями земского суда по волостям, журналами дел, прослушанных в земском суде, донесениями и рапортами о количестве населения, крещении в христианскую веру, в том числе и иноверцев, сборах подушной и ясачной подати, рекрутских наборах, посевах и урожае, ценах на хлеб, отводе земельных угодий, отправке хлеба в Якутск, продаже казенной соли, хлебных экономических магазинах и выдаче крестьянам хлеба из них и т. д. Фонд охватывает 1865 единиц хранения за 1783–1867, 1883, 1892 гг.

В 1775 г. правительство провело большую реформу местного управления и суда. Специальная комиссия из опытных чиновников (Я. Сиверс, А. Вяземский, Г. Ульрих) под руководством Екатерины II за 9 месяцев разработала законодательный акт – «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». 7 ноября 1775 г. были утверждены 28 глав этого документа, а 4 января 1780 г. – три последние главы.

Все учреждения и должностные лица, созданные местной реформой 1775 г., можно подразделить на три основные группы: административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные. «Первая группа была представлена в губернии губернатором, губернским правлением и приказом общественного призрения, а в уезде – земским исправником, нижним земским судом и городничим» [8, с. 63].

Нижний земский суд являлся полицейским органом, состоящим из избираемых дворянством уезда земского исправника или капитана и 2–3 заседателей. Он был подведомствен губернатору и губернскому правлению. Нижний земский суд исполнял распоряжения вышестоящих властей (В фонде 9 ГАИО имеется Указ 1784 г. ее императорского величества Самодержицы Всероссийской, из Киренского нижнего земского суда нижеилимской слободы выборному Черных, гласящий, что присутственные места на основании Указа правительствующего Сената от 31 июля 1766 г. должны исполнять повеления наместнического правления [1]), а также приговоры судов, проводил предварительное следствие по уголовным преступлениям. На него возлагалась основная полицейская функция – сохранять в уезде «благочиние, добронравие и порядок». Особой заботой уездной полиции было то, чтобы «никто беглых людей не принимал, не держал и не укрывал». В ведении исправников и нижних земских судов находились и иные полицейские задачи: побуждение «тяглового» населения к исправной уплате податей и сборов, выполнение натуральных повинностей, надзор за порядком во время торговли, продовольственными делами и состоянием дорог, соблюдением противопожарных и противоэпидемических мер и т. п.

Земский исправник или капитан-исправник, в документах эта должность упоминается под обоими названиями, принимал рапорты о падеже скота [2], а Киренский нижний земский суд вел общую статистику количества скота до падежа и после падежа [3]. Просмотренные автором рапорты относятся к 1795 г. Также име-

ется рапорт земскому капитан-исправнику Михайле Пелевичу Корсакову от мирской избы «Об умерших и выздоровевших» 1795 г. [4]. Следовательно, в обязанности нижнего земского суда также входило исчисление количества населения. Все эти документы относятся к секретным делам Киренского земского суда.

Нижний земский суд занимался также хозяйственными делами. Имеется наказ нижнего земского суда нижней мирской избе от 26 августа 1784 г. об использовании удобрений, о лучших сортах зерновых [5]. Мирская изба обязана была донести эти сведения до населения каждой деревни.

Многие документы посвящены рекрутским наборам, например, «Указ из наместнического правления от 7 ноября, № 6283 с приложением в пятнадцать печатных листов... Ее императорского величества повеление, что для укомплектования войск ее величества на основании указа, данного от 19 сентября 1776 г., велено собрать со всего государства по последней ... с пяти сот душ ... сложения, избранного здоровья, к службе годных в возрасте с семнадцати до тридцати пяти лет ... роста 2 аршина». Выполнять данное предписание и отвечать за обмундирование должен был офицер из Иркутска. Согласно данному документу, принятые в рекруты должны были получить «платье акмянное, кафтан из сермяжного сукна, шубу, шапку...6 рубах, порты сермяжные, при питании 2...; по указу ее императорского величества нижний земский суд должен послать сей указ мирской избе» [6]. Кроме того, в фонде 9 ГАИО имеется «Росписание учиненное в киренском нижнем земском суде», отражающее число душ в «сострогах», «слободах», «савтономических призаимках», а также количество душ «сонного числа надлежащие в рекруты». Ежегодно составлялись ведомости о годных в рекруты с общего числа жителей уезда. В документе указывается, что из 4600 душ в рекруты годны 8 человек [7].

Рассмотренные автором материалы позволяют сделать заключение о том, что нижний земский суд играл важную роль в осуществлении власти на местах. Архивные документы еще раз подтвердили, что он занимался не только судебными делами, но и ведал широким кругом административных вопросов: учет уплаты податей и сборов, а также натуральных повинностей, надзор за порядком во время торговли, продовольственными делами и состоянием дорог, соблюдением противопожарных и противоэпидемических мер, исчислением населения и скота и т. п.

Литература

1. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
2. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 13–14.
3. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.
4. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.
5. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.
6. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.
7. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.
8. Илимская пашня : в 2 т. / В. Н. Шерстобоев. – 2-е изд. – Иркутск : Ирк. обл. тип. № 1, 2001. – Т. 2 : Илимский край во II–IV четвертях XVIII в. – 635 с.

Е. Н. САВИНСКИЙ

Иркутский государственный университет путей сообщения

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНОК «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Смуты в России, переломные периоды, крушение старого и появление нового образа жизни, когда объективный ход исторического развития выдвигает на политическую арену новых лидеров, у которых свои интересы и за которыми идут огромные человеческие массы: эти темы не исчезают со страниц научных журналов. Они по-прежнему будоражат умы исследователей, политиков, авантюристов.

Целью нашего исследования является анализ оценок «Смутного времени» в отечественной историографии и выяснение причин их трансформации.

«Смута» – тотальный кризис, охватывающий все сферы социального бытия: и государственность, и экономику, и сословия, идеологию и нравственность. Понятие «Смута» пришло в историографию из народного лексикона, и означает, прежде всего, анархию и крайнюю неустроенность общественной жизни. Термин был введен русскими писателями XVII в. и характеризовал явления, происходившие в России с 1598 по 1613 г. [1].

В отечественной и зарубежной историографии существуют различные подходы в оценке «Смутного времени». А. Тойнби, А. Л. Чижевский объясняли смуты и катаклизмы исходя из теории природных циклов, но данная теория не учитывает специфики общественного развития, многомерности исторического процесса и разнообразия связей, допускающих перерывы в циклах. Другого мнения придерживались Н. М. Карамзин и Д. И. Иловайский.

Они считали, что поводом для смуты служит субъективный фактор – таким образом, для них приоритетным было изучение роли конкретных исторических личностей в этих событиях. Представители еще одного подхода связывали причины смуты с политическими факторами. Сторонниками данной концепции были С. М. Соловьев и М. П. Погодин. Они объясняли «Смуту» «политическими столкновениями новых государственных начал со старыми, реакцией антигосударственных сил на успешный процесс централизации» [7]. Иного мнения придерживался Н. И. Костомаров. Он видел суть кризиса в политическом вмешательстве со стороны Польши и интригах католической церкви [3].

На наш взгляд, наиболее полный анализ «Смутного времени» провел В. О. Ключевский. Он объяснял причины частых смут в России наличием особенностей следующих аспектов её развития: природных условий, формирования личности и общественных отношений [2]. Тяжелые природные условия заставляли жить в состоянии повышенного напряжения и способствовали развитию в русском человеке наблюдательности, терпения, выносливости. Эти черты наиболее полно проявлялись в критические моменты истории страны. Также неблагоприятные природные условия определяли развитие общества вширь и были одной из причин колонизации. Для удержания вошедших территорий и растущего конгломерата в единстве понадобились так называемые скрепы: в политике – абсолютная централизованная власть; в военной сфере – сильная армия; в идеологии – господство в обществе, в том числе и в среде интеллигенции авторитарного мышления; в административном плане – рост бюрократии. По мере расширения территории вместе с ростом внешней силы государства все более стеснялась внутренняя свобода его народа. Можно сделать вывод, что «коренные причины» смут в России – кроются в «скрепах», которые задерживали развитие общества и личности, а в критические периоды вызывали тупиковые ситуации, деградацию и раскол общества.

В разные исторические периоды развития государства, по-разному оценивалась и трактовалась «Смута». В период Российской империи «Смутное время» начала XVII в. рассматривалось как «кризис российского государства и общества», который удалось преодолеть благодаря духовному возрождению нации и избранию нового «законного» царя, впоследствии факт выборности

сменился идеей наследственности [6]. С приходом к власти большевиков, концепция «Смуты» пересматривается. Советские историки явный крен делают в сторону социальных факторов, как правило, абсолютизируя их, выдвигая идею классовой борьбы. По мнению М. Н. Покровского, «Смута» началась не сверху, а снизу, т. е. она представляла собой борьбу крестьян против закрепощения, в первую очередь – восстание Болотникова [4]. И, наконец, на рубеже 60–70 гг. XX в., начинается возврат к пониманию «Смуты», как кризиса государственности в целом. Появились работы, где анализу подвергается весь спектр причин и проявлений «Смуты». Например, в работах Р. Г. Скрынникова, приведен объемный фактический материал, где показана подлинная роль личностей, участвовавших в событиях смуты [5]. После распада СССР о «Смутном времени» народ говорил уже применительно к собственной жизни, в печати и в исследованиях стали проводиться аналогии между «Смутой» начала XVII в. и событиями конца XX в.

Исходя из проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы: во-первых, концепция и оценка «Смуты» пересматривались в зависимости от настроений и взглядов тех, кто находился у власти в стране на определенном историческом этапе; во-вторых, с постепенным развитием в России в конце XX в. гражданских прав и свобод начинает меняться отношение общества к понятию «Смута». Рассматриваются различные ее аспекты и проявления, и изучение роли личности играет здесь одну из значимых ролей. И, в-третьих, оценка «Смуты» имела субъективный характер и чаще всего зависела от устоявшихся принципов и позиций исследователей. «Смута» являлась обобщающим понятием для описания кризисов власти и общества в разное время, и поэтому историки пытались провести между ними аналогию и вывести общие закономерности.

Литература

1. Блохин В. Ф. История Отечества в терминах и понятиях : учеб. словарь-справочник / В. Ф. Блохин. – Смоленск : Русич ; Брянск : Курсив, 1999. – 528 с.

2. Ключевский В. О. Сочинения. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. Курс русской истории. – 241 с.

3. Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия : ист. монографии и исслед. / Н. И. Костомаров. – М. : Чарли, 1994. – 800 с.

4. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / Н. М. Покровский. – М. : Партийн. изд-во, 1933. – 549 с.

5. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. Смута / Р. Г. Скрынников. – М. : Мысль, 1988. – 283 с.

6. Соловьев С. М. Сочинения / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1989. – Т. 7-8 : История России с древнейших времен. – 367 с.

7. Щербань Н. В. В. О. Ключевский о смуте // Отеч. история РАН. – 1997. – № 3. – С. 96-97.

О. С. СВЕРЛОВА

Восточно-Сибирская государственная академия образования

ЦЕНзуРА В СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Любому государству свойственно ограничение информации, существование так называемых тайн: государственной, военной, медицинской. На протяжении всех трехсот лет существования Российской империи цензурный вопрос являлся одним из главных во внутренней политике самодержавия. Стремясь удержать литературу и журналистику в рамках самодержавной идеологии, правительство избрало цензуру в качестве главного инструмента контроля.

В Москве и Санкт-Петербурге, т. е. в цензурных комитетах двух столиц, решали, какие книги будут читать люди, как в столице, так и в провинции Российской империи, на какие картины в музеях и галереях смотреть, какие пьесы будут показывать в российских театрах. Цензура пронизывала все стороны жизни общества. Однако некоторые вопросы цензуры, относящиеся в основном к иностранной литературе, решались не в столицах. А точнее не только в столицах.

Согласно закону от 22 апреля 1828 г., который в отношении иностранной цензуры просуществовал без серьезных изменений до 1917 г., цензурой зарубежных сочинений занимался Комитет иностранной цензуры, который располагался в Санкт-Петербурге при Министерстве народного просвещения. Специально обученные цензоры также были направлены в Ригу, Вильно, Киев и Одессу. В результате принятия этого указа в этих городах, а со временем к ним добавилось еще несколько, были созданы собственные цензурные комитеты. К началу XX в. циркуляры из этих комитетов рассылались во все крупные города империи.

В Иркутском областном архиве в документах Полицейского управления содержится множество циркуляров из этих комите-

тов, сообщающих о запрете той или иной книги, новой театральной постановки, номера журнала или газеты. После изучения этих документов становится очевидным, что Сибирь в отношении цензуры находилась в империи на особом положении. Через нее не ввозились книги из-за границы, в сибирских городах издавалось ограниченное количество книг, провинциальные театры контролировались из столицы. Именно поэтому здесь не было создано особых цензурных комитетов.

Однако в период второй половины XIX – начала XX в. существовала одна особенность, которая увеличивает интерес к сибирской цензуре. А. П. Граф Валуев в одной из своих записок императору замечает: «Пресса стала неоспоримой силой. Этот факт не исключительный, а общий, который вытекает из универсальных форм цивилизации» [3, с. 127]. Нельзя забывать, что цензура в Сибири была неразрывно связана не только с литературой, театром или живописью, а в гораздо большей степени с периодической печатью.

Именно поэтому в истории цензуры в Сибири дореволюционного этапа особый интерес представляет период второй половины XIX – начала XX в. Дело в том, что в Сибири первые частные газеты появились несколько позже, чем в западной России (только в 1860-е гг.). Сибирское общество первой половины XIX в., как отмечает в своих воспоминаниях В. И. Вагин, отличалось апатичностью и необразованностью. Во второй же половине XIX в. ситуация начинает меняться. Среди сибирской общественности возрастает интерес к местным сибирским проблемам. Растет уровень грамотности и, соответственно, растет и потребность в местных газетах и журналах, освещающих вопросы, интересующие сибиряков.

Сибирские частные газеты в основном ставили своей целью освещение местных вопросов, справедливо полагая, что, привлекая к ним внимание общественности, они способствуют их решению. На своих страницах они часто обличали злоупотребления со стороны как купечества, так и местной администрации. Такое стремление к обличениям не могло не создать проблем с цензурой. Местные цензурные условия не позволяли им открыто обсуждать, например, школьный вопрос или необходимость пересмотра «инородческого» указа. Газеты вынуждены были искать обходные пути. Например, газета «Сибирь» размещала на своих

страницах статьи о многочисленных злоупотреблениях в «ино-родческом» управлении. Умный читатель сразу понимал, что в этом управлении необходимы преобразования [1, с. 58].

Провинциальная печать конца XIX – начала XX в. в целом находилась в невыгодном положении по отношению к столичной. Это связано, прежде всего, с тем, что в провинции сохранялась предварительная цензура, тогда как в столице она была отменена уставом 1890 г. Необходимость предоставлять каждый номер газеты или журнала цензору на предварительную «экспертизу» сильно осложняла положение провинциальной прессы.

При предварительной цензуре ключевое значение приобретает личность самого цензора. В качестве примера можно привести отрывок из воспоминаний Н. Зарицина о его работе в одной сибирской газете. По его словам, «посылаемые для цензуры оттиски нередко возвращались обратно окровавленные красным карандашом. Приходилось или не выпускать очередного номера, или просить рабочих срочно сделать новый набор. Не раз и не два воочию убеждались, что цензор прибегает просто-напросто к запугиванию, так как, не читая материала, не выпускает его; не раз и не два одни и те же статьи, забракованные «недремлющим оком», спустя месяц смело проходили в печать» [4, с. 283]. Этот отрывок является яркой иллюстрацией жизни небольшой провинциальной сибирской газеты.

В статье 25 Устава о цензуре и печати 1890 г. сказано: «В цензуре как по внутренней, так и иностранной цензуре, могут быть определяемы только чиновники, получившие образование в высших учебных заведениях или иным способом приобретшие основательные в науках сведения». И в этой же статье: «Во время занятия сей должности они не должны вместе с оною нести никаких других обязанностей, ниже принимать участие в редакции периодических изданий» [5, с. 12]. Еще в начале XIX в. Михаил Михайлович Сперанский по результатам ревизии Сибири 1819 г. пришел к выводу, что в Сибири наблюдается катастрофическая нехватка кадров [2, с. 133]. Эта проблема в Сибири, спустя полвека, так и не была решена до конца.

Необходимо также отметить, что во многих сибирских газетах и журналах тесно сотрудничали политические ссыльные и местная интеллигенция. Это обстоятельство с точки зрения цензоров требовало дополнительного контроля над сибирскими изданиями.

Итак, очевидно, что цензура в Сибири в конце XIX – начале XX в. имела ряд интересных особенностей, которые на данный момент фактически не исследованы. При условии того, что в современном мире вопрос цензуры сейчас так популярен, исследование этих вопросов, на взгляд автора, актуально как никогда.

Литература

1. Гимельштейн А. В Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Е. А. Сенина. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. – 320 с. – (Азиатская Россия)
2. Дамешек Л. М. М. М.Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев, Т. А. Перцева. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 262 с.
3. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 368 с.
4. Патрушева Н. Г. Цензура в России в конце XIX – начале XX в. : сб. воспоминаний / сост. Н. Г. Патрушева ; ред. М. А. Бенина. – СПб., 2003. – 366 с.
5. Широков В. П. Устав о цензуре и печати / В. П. Широков. – М. : Книга по Требованию, 2012. – 308 с.

Ю. П. СЕРГЕЕВА

Иркутский государственный университет

РОЛЬ ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ИРКУТСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ

Реализация Судебной реформы 1864 г. в Сибири растянулась на несколько десятков лет: Иркутская судебная палата была образована только в 1897 г. Успех и результаты преобразования напрямую зависели от того, кто именно смог бы эффективно воплотить в жизнь проекты судебной реформы в Сибири. В новые судебные установления в Иркутске предполагалось назначить и новых лиц, в том числе судей, у которых был опыт работы в судах европейской части России. На должность председателя могли претендовать только лица с аттестатом об окончании высшего учебного заведения, со стажем работы в судебных ведомствах не менее трех лет в должности не ниже прокурора или члена судебной палаты. Во главе Иркутской судебной палаты стоял старший председатель. За двадцатилетний период существования эту должность занимали три человека, прослужившие ко времени их назначения значительное время в судебном ведомстве.

Первым председателем Иркутской судебной палаты стал тайный советник, сенатор Георгий Владимирович Кастриото-Скандербек-Дрекалович. Он прибыл в Иркутск 21 мая 1897 г. [2, с. 334]. На данной должности Георгий Владимирович прослужил с 22 января 1897 г. по 20 января 1901 г. За столь небольшой срок он успел заложить основы судопроизводства и делопроизводства в новых судебных установлениях, эффективно налаживал связь между Окружными судами: Иркутским, Красноярским, Якутским, Читинским, Благовещенским, Владивостокским, Пограничным, а также между Енисейской и Иркутской губерниями, Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморской областями, вошедшими в округ Иркутской судебной палаты. В компетенцию старшего председателя входили составление, совместно с прокурором, и подача отчетов министру юстиции, а также осуществление надзора за всеми судебными установлениями. Он должен был, при наличии в составе палаты лиц, достойных присвоения очередного чина, написать представление министру юстиции и представить формулярный список на данное лицо. Обращения с ходатайствами о награждении за отличную службу судей и иных лиц должны были также подаваться через председателя. В непосредственном подчинении у старшего председателя находились члены уголовного и гражданского департаментов Судебной палаты. В состав палаты входило восемь членов, также при Судебной палате состоял прокурор и двое его товарищей [4].

Анализ архивных материалов Государственного архива Иркутской области позволил выявить личное дело Георгия Владимировича [3]. Он был женат на вдове полковника Марии Васильевой Лабунской, урожденной Каншиной, детей у них не было. До председательствования в Иркутской судебной палате у него был значительный опыт работы в других судебных учреждениях. Он родился 24 ноября 1847 г., окончил курс юридических наук в Императорском училище правоведения, где показал хорошие способности и прилежание, благодаря чему приказом по Министерству юстиции от 14 мая 1869 г. определен на службу в один из департаментов Министерства в чине коллежского секретаря. А уже в следующем году был допущен к самостоятельной работе, получив назначение на должность исполняющего обязанности судебного следователя по Виленской губернии. 4 июля 1872 г. определением Правительствующего Сената произведен за выслугу лет в

титулярные советники, а спустя два года был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. В течение нескольких лет Георгий Владимирович прослужил на территории Царства Польского. В 1889 г. после производства в действительные статские советники он был назначен членом Санкт-Петербургской судебной палаты. Однако его опыт службы на одной из окраин империи не был забыт. И когда потребовались квалифицированные судьи для вновь учреждаемых судебных установлений в отдаленном сибирском крае, последовало распоряжение: «С Высочайшего Государя Императора соизволения, последовавшего в 24 день Апреля 1896 г., по докладу Министра Юстиции, командировать [Георгия Владимировича и его помощника] в Сибирь по случаю представляемого в 1897 г. в оной судебного преобразования для ознакомления с деятельностью судебного персонала Сибирских Судебных установлений и для других распоряжений для беспрепятственного и успешного ведения там судебной реформы...» [3, с. 30 об.]. Целью данной командировки было выявление опытных, образованных, талантливых юристов в Сибири для подачи списков министру юстиции Н.В.Муравьеву с заключением об их личностных качествах, степенью пригодности к занятию той или иной должности [1, с. 38–116]. 20 мая 1896 г. Георгий Владимирович был назначен старшим председателем Иркутской судебной палаты. Он с женой жил в казенной квартире в здании судебных установлений на Ивановской площади в доме № 16 (ныне здание Иркутского областного суда, ул. Пролетарская, д. № 10). В 1899 г. за успехи в организации деятельности нового для Иркутска учреждения он был произведен в тайные советники.

Чиновники, находившиеся на службе в Иркутской судебной палате на должности старшего председателя получали следующие виды содержания: 3 тыс. руб. жалования, положенного по должности, 1 500 руб. столовых денег и 1 500 руб. квартирных денег. Служба в Иркутске легла тяжким бременем на Георгия Владимировича и его семью. Расходы на командировочные поездки требовали дополнительных средств, которые выделялись Казенной палатой несвоевременно.

За время несения службы в Иркутске Георгий Владимирович наладил работу новых судебных установлений, ознакомился с деятельностью местного судебного персонала, подготовил на местах условия для наиболее успешного введения судебного пре-

образования. Он внес большой вклад в дальнейшее функционирование новых судебных установлений, сделав огромную подготовительную работу по выявлению кадров в Сибири, благодаря которой к моменту открытия в состав Иркутской судебной палаты входили как местные высококвалифицированные юристы, так и специалисты из европейской части России. Это помогло в определенной степени преодолеть медлительность, судебную волокиту, формализм и злоупотребления, свойственные российской судебной системе. По завершении периода становления Иркутской судебной палаты талантливый чиновник был переведен в столицу и назначен членом Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. «19 февраля отбыл в С.-Петербург первый Старший председатель Иркутской судебной палаты, сенатор, тайный советник, Георгий Владимирович Кастриото-Скандербек-Дрекалович, назначенный присутствовать в правительствующем Сенате...» [2, с. 449].

Таким образом, Георгий Владимирович решительно осуществлял реформы, устанавливая и утверждая в Восточной Сибири новый правовой порядок. Он способствовал введению правовой культуры в официальную и общественную жизнь города Иркутска. За свою службу отмечался правительственными наградами и орденами: Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 1-й и 2-й ст. и Св. Владимира 3-й ст., серебряными медалями в память Александра III и в честь коронавания Николая II.

Роль, которую играли председатели Судебных палат как главные организаторы исполнения положений Судебных уставов и контролеры их выполнения на далеких окраинах, была, безусловно, очень значимой. Изучение их опыта имеет важное практическое значение для совершенствования современного законодательства в сфере судостроительства.

Литература

1. Курас Т. Л. История Иркутской Судебной палаты : дис. ... канд. ист. наук / Т. Л. Курас.-- Иркутск : Ирк. гос. ун-т, 2002. –323 с.
2. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. /Н. С. Романов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 542 с.
3. Личное дело Кастриото-Скандербек-Дрекаловича Г. В. // ГАИО. – Ф. 246. – Оп. 7. – Д. 148.
4. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья [Электронный ресурс]. СПб., 1866. – URL: http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav.

Секция «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XX – НАЧАЛА XXI В.»

И. В. АЛЕКСЕЕВА

Забайкальский государственный университет

ВЫЯВЛЕНИЕ «ВРАГОВ НАРОДА» СРЕДИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В 1930-е гг.

Первая половина XX в. в России богата на события: Первая мировая война, революции 1917 г., установление Советской власти, индустриализация, коллективизация, и, наверное, самая печальная страница нашей истории – репрессии 1930-х гг. Репрессиям оказались подвержены целые социальные группы: дворянство, духовенство, крестьянство, а также целые народы. Не было не одной сферы в жизни советского общества, которую бы не затронули репрессии.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы ввести в научный оборот ранее не известные архивные материалы по репрессиям в области образования в Читинской области. Основой для написания работы послужили документы Государственного архива Забайкальского края в представленных фондах: «Политотдел Забайкальской железной дороги» (П-95) и «Протоколы партийных собраний» (П-166).

В ходе репрессий в области проверке на благонадёжность подверглись не только состоявшие в партии или являющиеся кандидатами в партию, но и все члены педагогических коллективов. Именно в 30-е гг. XX в. начались партийные чистки среди забайкальского учительства. При школах были созданы партийные организации, собирались открытые партийные собрания, на которых присутствовали и беспартийные, и они, в свою очередь, тоже попадали под чистку. Нет точных данных о количестве пострадавших учителей школ и преподавателей институтов, училищ в Читинской области, но есть факты, подтверждающие некоторые сфабрикованные дела против учителей.

В Забайкалье многие учителя попали из центральной России после революции, когда стране нужны были образованные кадры

для обеспечения её экономического развития. В то время велась борьба с неграмотностью, а в Сибири категорически не хватало учителей. В некоторых случаях проживание в центральной части страны могло стать причиной вынесения обвинения сотрудниками НКВД или исключения из партии. В этом отношении любопытна судьба учителя русского языка и литературы А. М. Алищенко. С 1935 по 1937 г. она работала учителем в Чернышевске. При проведении партийных чисток в школе в 1937 г. учительнице было выдвинуто обвинение в том, что она в 1933 г. работала в городе Кирове и проживала на квартире друга детства, которого арестовали по 58 статье как врага народа [2, л. 93]. И такие случаи были не единичны.

В школах Забайкалья проводились чистки и развернулась деятельность по выявлению врагов народа. Сам термин «чистка партийных рядов» означает совокупность организационных мероприятий по проверке соответствия членов коммунистической партии предъявляемым к ним требованиям. При осуществлении чистки в рядах членов партии в учебных заведениях создавалась специальная комиссия с участием сотрудников НКВД. Исключали из партии и арестовывали учителей по следующим причинам: если они занимались контрреволюционной деятельностью; имели родственников, являющихся врагами народа; проживали на территории Маньчжурии; выступали против политики партии; или если на них поступали доносы. Так, в ходе проверки учителей станции Кагановича в сентябре 1937 г. поступила директива от 5 октября 1937 г. – отстранить от работы Л. М. Храброву – преподавателя немецкого языка, родом из Ленинграда, из-за мужа, преподававшего в Московской военной школе и арестованного по статье 58 [4, л. 9].

Учителям, которые не прошли партийную проверку, в личном деле писали: «неблагонадежный, заменить» или «уволить с работы». При проведении чисток отмечается ряд случаев, когда вслед за исключением из партии снимали с работы, лишали продовольственных карточек, выселяли из квартир и могли лишиться всякой возможности работать в различных учреждениях [2, л. 3].

В школе № 20 г. Читы в ходе проведения партийных чисток в 1937 г. было проверено около двенадцати учителей. Среди них было выявлено шесть учителей, «идущих против партии»: И. В. Юдинцева, К. П. Гладких, Н. А. Тайченко, Н. А. Куврич и

Б. В. Чередниченко. Они были уволены с работы, и дальнейшая судьба их осталась неизвестной. Из протоколов партийных собраний стало известно также о причинах, по которым не проходили партийную проверку некоторые учителя. «...Учитель русского языка Перниц Татьяна Александровна, была в 1918 г. командирована в Харбин, там работала до 1921 г., а 1932 г. вернулась на родину, стала заведующей по учебной части, но в Маньчжурии остались брат и сестра» [1, л. 10]. Учитель И. М. Дуботин снят с работы из-за родителей, которые находились под арестом, а его жена была арестована в Иркутске по подозрению в шпионаже [1, л. 12].

В школах Читинской области большое внимание уделялось политической осведомленности учителей и учеников. Проводились собрания, как среди учителей, так и учащихся, на которых зачитывались обращения И. В. Сталина и других партийных лидеров того времени. На совещаниях учителей зачитывали постановления об усилении бдительности среди школьного коллектива. Так, Политотдел Читинской области в 1937 г. постановил: уделять особое внимание повышению бдительности; провести решительную борьбу с вражеским настроением, а также ликвидацию враждебной работы в школе; улучшить работу классных руководителей в деле развёртывания антирелигиозной пропаганды среди учащихся [3, л. 169].

Сотрудники НКВД посещали уроки педагогов с целью проверки методов преподавания в советской школе. Так, в школе № 64 в г. Чите, в районе Черновских копей, были арестованы учителя В. И. Хан, Н. Ф. Гантимуров, В. И. Греймих. Их обвинили в создании бухаринской группы, проведении вредительской программы в школе. Согласно выдвинутым обвинениям, они обучали детей плохо, контрольные работы не проводили, занимались дискредитацией советской педагогики, «глушили» инициативу молодых педагогов. В акте проверки школы отмечалось следующее: учителя школы не поняли и не уяснили сущность решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), не развернули на основе этого решения подлинную большевистскую самокритику, и не мобилизовали все силы на борьбу с вражескими явлениями в школе» [3, л. 170].

Репрессии, проводившиеся в образовании, нанесли большой урон педагогическому коллективу многих школ Читинской области. Образование в области оказывалось в тяжёлом положении.

Школы области теряли лучшую часть своего педагогического коллектива, возникала проблема с обеспечением кадров, это повлияло на снижение успеваемости учащихся по предметам, уроки не велись по причине нехватки учителей. Все эти причины впоследствии приведут к острой нехватке в области образованных специалистов в самых различных отраслях.

Литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК) Ф.П-95. Политотдел Забайкальской железной дороги. Оп. 1. Д-422.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.П-95, Политотдел Забайкальской железной дороги. Оп. 1.Д-546.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.П-95, Политотдел Забайкальской железной дороги. Оп. 1. Д-576.
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.П-166, Протоколы партийных собраний. Оп. 1. Д-53.

И. А. КОЛОКОЛЬНИКОВ

Иркутский государственный университет

ИСТОРИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ИРКУТСКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-х гг.

В Иркутске, городе с богатейшими культурными традициями, развитие музыкальной жизни всегда шло достаточно интенсивно. Но совершенно необычным в плане развития музыкальной культуры Иркутска стал период Великой Отечественной войны, когда в город приехало множество эвакуированных музыкальных деятелей из центральной России и Украины. Пожалуй, никогда музыкальная жизнь Иркутска не была столь яркой и разносторонней, как в первой половине 1940-х гг.

Данная тема видится автору исследования особо актуальной, поскольку практически не разрабатывалась. Самая крупная работа по музыкальной истории Иркутска – книга И. Харкеевич [8]. Однако в этой книге главным образом освещается дореволюционный период. Музыкальной жизни 1930–1970-х гг. посвящена лишь обзорная глава. Нельзя не заметить, что тем же автором была создана статья о пребывании в Иркутске Киевского театра оперы и балета в 1942–1944 гг. [9]. Но в этой статье не были затронуты некоторые важные моменты. Статья Харкеевич – пожалуй, единственная публикация, целиком посвященная музыкальной

жизни Иркутска первой половины 1940-х гг. До сегодняшнего дня совершенно не изучалась деятельность возникшего в 1943 г. Иркутского отделения Союза композиторов СССР, а также работа музыкальных коллективов Иркутского радио в годы войны.

Автор настоящей работы пытается дать полноценный обзор музыкальной жизни города первой половины 1940-х гг. При проведении исследования использованы материалы Государственного архива Иркутской области, Иркутского областного краеведческого музея, фондов «Радио России – Иркутск», а также изучена местная печать военных лет. Помимо этого, автором были произведены записи воспоминаний очевидцев.

Наиболее важное событие музыкальной жизни Иркутска военного времени – приезд оперных театров, эвакуированных из Харькова и Киева. Они прибыли в Иркутск в 1942 г. с разницей в несколько месяцев. В Киевском театре оперы и балета в то время работало немало выдающихся деятелей отечественного искусства. Это певцы И. Паторжинский, М. Литвиненко-Вольгемут, З. Гайдай, К. Лаптев, А. Иванов, М. Бем, режиссеры В. Манзий и Н. Смолич, дирижер В. Йориш. В составе труппы Харьковского театра выделялись такие артисты, как П. Белинник, М. Роменский, А. Левицкая. В Иркутске театры были объединены и работали как «Киевский театр оперы и балета». Этот объединенный коллектив в 1942–1944 гг. поставил в Иркутске 8 опер и 6 балетов. Стоит особо отметить работу театра над оперой М. Вериковского «Наймычка». Это было новое произведение, в Иркутске опера была поставлена впервые. Ее премьера состоялась 15 ноября 1943 г.

Украинские артисты стали активнейшими участниками культурной жизни города. Они готовили разнообразные концертные программы. Кроме того, украинские певцы часто выступали в иркутских госпиталях. Именно Киевский оперный театр стал инициатором учреждения Дня культобслуживания раненого бойца [5]. Многие певцы театра выступали по Иркутскому радио. В декабре 1943 г. при активном участии творческих работников театра в городе прошел конкурс концертных исполнителей. Очень значимой вехой в жизни Иркутска военных лет является проведение Киевским оперным театром трех музыкальных фестивалей. Киевский театр оперы и балета уехал в мае 1944 г., однако полтора года его пребывания в Иркутске стали важной вехой в музыкальной истории Приангарья.

Еще одним активным участником культурной жизни города военных лет был Иркутский радиокомитет, где в 1930-х гг. возникли мощные музыкальные коллективы: симфонический оркестр, хор, большая группа певцов-солистов и оркестр народных инструментов [4]. Также при радиокомитете существовал некоторое время джаз-оркестр. За неимением оперного театра в довоенные годы музыкальные коллективы радиокомитета поставили ряд опер на сцене Иркутского драмтеатра, причем в полном сценическом оформлении. В сентябре 1941 г. на этой же сцене радиокомитет поставил двухактную оперу Г. Брука и Д. Васильева-Буглая «Родина зовет». Сбор от премьерного спектакля пошел в Фонд обороны [1]. Члены музыкальных коллективов радиокомитета были активными участниками концертов, проходивших на различных сценах города. В годы войны перед иркутянами часто выступали бас А. Авдеев, скрипач Л. Рештейн и др. [6]. Музыканты радиокомитета активно поддержали инициативу Киевского оперного театра о проведении Дня культурного обслуживания раненого бойца [5]. Хормейстеру и дирижеру симфонического оркестра радиокомитета В. Патрушеву, одному из самых активных участников выступлений перед ранеными, была объявлена особая благодарность в Приказе по Народному комиссариату здравоохранения СССР [2]. Помимо работы в радиокомитете, В.Патрушев руководил в годы войны работой еще двух коллективов города – хора Дворца пионеров Иркутска и Сибирского ансамбля песни и танца, который был сформирован при Иркутской филармонии в начале 1945 г. В основном же в годы войны филармония занималась культурным обслуживанием жителей разных уголков Иркутской области.

Важным событием музыкальной жизни города военных лет стало создание Иркутской организации Союза композиторов СССР, появившейся весной 1943 г. [3]. В состав организации вошли иркутские композиторы Г. Ланэ, Ю. Матвеев, Э. Хинкис, а также композиторы, которые находились в Иркутске в эвакуации. К числу последних относятся В. Йориш (на первых порах возглавивший организацию), Л. Гуров и С. Заславский. В 1944 г. число членов организации существенно сократилось, поскольку те, кто находился здесь в эвакуации, покинули Иркутск. Но организация продолжила работу.

Не стоит забывать, что исследуемый в данной работе период включает не только события военных лет, но и небольшой промежуток предвоенного времени. Наиболее значимым событием в музыкальной жизни города самого начала 1940-х гг. стало открытие Театра музыкальной комедии, появившегося весной 1941 г. Его становление приходится на военные годы. Именно тогда в театре состоялись премьеры оперетт «Соловьиный сад» С. Заславского, «Бал в Савойе» П. Абрахама, «Фиалка Монмартра» И. Кальмана и др. Однако деятельность театра тех лет достаточно хорошо описана в книге Д. Скоробегова [7], поэтому в настоящем исследовании детально не рассматривается.

Наконец, стоит сказать о деятелях музыкального искусства, приехавших в первой половине 1940-х гг. в Иркутск. В этот период наш город посетили композиторы М. Вериковский и Ю. Мейтус, пианисты Б. Гольдштейн и И. Аптекарев, вокалистка С. Ивницкая, оперетточные артистки К. Новикова и Л. Геоли, эстрадные певцы К. Джапаридзе и А. Погодин, джаз-оркестры Л. Утесова и Э. Рознера, аккордеонный ансамбль под управлением Е. Розенфельда, ансамбль ЦДКЖ п/у И. Дунаевского.

Военные годы стали важным периодом в культурной жизни Иркутска. Местные музыканты получили богатый опыт от совместной работы с музыкантами центральной России и Украины. А вот созданное в 1943 г. Иркутское отделение Союза композиторов СССР просуществовало менее десяти лет, но оно внесло заметное оживление в музыкальную жизнь послевоенного Иркутска. Немаловажным фактом является и то, что во время войны иркутяне смогли увидеть и услышать многих знаменитых деятелей музыкального искусства.

Литература

1. ГАИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
2. Колокольников И. Даже ночью идут и поют // Вост.-Сиб. правда. - 2012. - 18 сент. - С. 5.
3. Колокольников И. Человек со старой фотографии // Вост.-Сиб. правда. - 2012. - 18 дек. - С. 5.
4. Летичевский И. Работники искусств у раненых бойцов и офицеров // Вост.-Сиб. правда. - 1944. - 8 янв. - С. 2.
5. Молдавский В. Работники искусства - детям фронтовиков // Вост.-Сиб. правда. - 1942. - 28 нояб. - С. 2.
6. «Родина зовет» (постановка радиокомитета) // Вост.-Сиб. правда. - 1941. - 7 сент. - С. 4.

7. Скоробегов Д. В. Вехи истории иркутского музыкального театра им. Н. М. Загурского (1941–2011) / Д. В. Скоробегов. – Иркутск : Изд. ССС НПФ Принт Лайн, 2012. – 410 с.

8. Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска / И. Ю. Харкеевич. – Иркутск : Изд-во Ирк. ун-та, 1987. – 280 с.

9. Харкеевич И. Сердечная благодарность иркутян (Киевский оперный театр в 1942–1944 гг. в Иркутске) // Земля Иркутская. – 2005. – № 2 (28) – С. 83–86.

М. Я. СУЛИМА

Иркутский государственный университет

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СССР 1950–1960-Х ГГ.

Культура всегда является лакмусовой бумагой для определения процессов, происходящих в обществе. Изменение атмосферы внутри общества ведет к преобразованиям в творческой деятельности.

Культурная жизнь в СССР в послевоенное время была жестко регламентирована властью, все процессы были подчинены задачам идеологизации. После смерти Сталина в марте 1953 г. началось общественно-политическое обновление. Впрочем, новые настроения начали витать в воздухе сразу после окончания войны, с середины 1940-х гг. Но при жизни Сталина трудно было рассчитывать на перемены. XX съезд партии узаконил витавшие в воздухе настроения. Время, последовавшее за XX съездом КПСС принято называть «оттепелью». Это было время преобразований во всех видах искусства, когда целое поколение талантливых деятелей, т.н. «шестидесятники», заявило о себе. По словам О. П. Табакова, «это было уникально-богатое на личности и таланты время. Эпоха, когда общество, голодное и холодное, начало просыпаться, когда оно жадно пило свои первые глотки свободы» [4, с. 98].

Рассмотрим то, какие преобразования затронули театральное пространство в 50–60 гг. Во-первых, в театр пришло молодое поколение талантливых режиссеров и актеров. Все они были воодушевлены идеями «десталинизации», верили, что только вместе можно добиться позитивных изменений в стране. Главным принципом молодого поколения была борьба с устоявшимися идеями театра, поиск новых методов воздействия на зрителя, поиск способа внедрения новых морально-этических норм.

Во-вторых, в репертуар театров стали чаще приниматься пьесы молодых авторов, в которых отражалась новая, современная

реальность, в которой действовал новый человек – представитель изменившегося времени. Основными авторами театра становятся В. Розов, А. Володин и Э. Радзинский. Пьесами именно этих авторов формируется «оттепельный» репертуар. С пьес В. Розова «В добрый час!» и «В поисках радости» начал свою режиссерскую карьеру А. Эфрос на сцене Центрального детского театра. «Вечно живыми» В. Розова открылся «Современник». В 1960-е гг. А. Эфрос в Театре им. Ленинского комсомола поставил пьесы Э. Радзинского «104 страницы про любовь» и «Снимается кино». А у Г. Товстоногова в ленинградском БДТ вышли два спектакля по пьесам А. Володина – «Пять вечеров» и «Старшая сестра» [1, с. 10]. Главной заслугой этих пьес становится то, что на первый план выходит современный герой.

Для лучшего понимания направлений театрального развития в 1950–60-е гг. необходимо рассмотреть концепции театра четырех ведущих режиссеров того времени. Ими являются: Олег Ефремов, создатель и режиссер «Современника», Георгий Товстоногов, режиссер Большого драматического театра в Ленинграде, Анатолий Эфрос, режиссер Центрального детского театра и Театра им. Ленинского комсомола и Юрий Любимов, режиссер Театра на Таганке.

А. Эфрос с 1954 по 1964 г. был режиссером Центрального детского театра. Все спектакли этого периода провозглашали нравственные ценности нового времени, выводили на подмостки нового героя, мальчишку, чьи устремления были направлены в будущую самостоятельную жизнь. При этом Эфрос соединял психологический театр с игрой, его в большей степени занимали вопросы эстетические, вопросы формы. Игровое начало придавало спектаклям легкость и поэтичность. В период работы в театре Ленинского комсомола (1964–1967 гг.) его разговор о действительности приобрел драматический характер, все чаще начинает звучать тема художника и власти.

В 1956 г. Ефремов основал «Современник», актерский состав которого был подобран из выпускников Школы-студии МХАТ, выступавших против академизма в театре. Этическая заостренность спектаклей «Современника» отличала его от других театров. О. Ефремов видел задачу своего театра в том, чтобы «раскрыть человека на сцене во всем многообразии его жизненных связей» [2, с. 45], наметить «системы зависимости отдельного че-

ловека от жизни общества, от судеб всего народа» [1, с. 45]. Театр для него являлся формой участия в делах общества и государства. О. Ефремова волновал театр не только как художественный, но и как общественный институт. При этом его режиссура не была авторитарной. «Современник» был реалистичным бытовым театром, поражающим зрителей меткостью и остротой жизненных наблюдений, объемом и полнотой жизненных характеров.

В 1956 г. Г. Товстоногов стал главным режиссером Большого драматического театра. Он был старше, прошел серьезную жизненную и профессиональную школу в период культа, к своей деятельности в эпоху «оттепели» приступил без горячности. Поэтому в его «оттепельном» репертуаре не было пьес, призывающих к благотворным общественным сдвигам. Г. Товстоногов ставил много классических спектаклей: «Идиот» по Ф. Достоевскому, «Варвары» М. Горького, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Три сестры» А. Чехова. Во всех спектаклях он выражал мысль о трагических противоречиях действительности, преодолеть которые под силу немногим.

В 1964 г. Ю. Любимову предложили возглавить Театр драмы и комедии (позже Театр «на Таганке»). Режиссер реорганизовал труппы, приняв выпускников Вахтанговского училища, вместе с которыми он уже успел поставить «Добрый человек из Сезуана». Они «последними прошмыгнули в дверь, которая тут же захлопнулась» [1, с. 34]. Таганка, буквально с первых спектаклей, приобретает репутацию смелого, дерзкого театра, который решительно вступает в схватку с государственной властью.

Театральные концепции этих режиссеров индивидуальны, но, в то же время, во многом похожи. Они по-разному относились к тем или иным проблемам, предлагали разные способы выражения эмоций, но их волновали одни и те же вопросы и проблемы. Кроме того, все они работали в разных театрах, отличающихся друг от друга и репертуаром, и аудиторией, и общей идеей, но организация внутри театрального процесса была почти одинаковой. «Театр этого периода во многом определялся характером его лидера» [3, с. 32]. Лидер часто являлся авторитарным, но при этом четко знающим, какие задачи он ставит перед театром. Он не просто стоял во главе процесса, на него равнялись, он был мастером, собравшим вокруг себя талантливых людей, чаще всего «единомышленников». Именно в это время и благодаря таланту

молодых режиссеров зажглось множество ярких актерских звезд: Олег Табаков, Евгений Евстигнеев, Игорь Кваша, Иннокентий Смоктуновский, Татьяна Доронина, Кирилл Лавров, Зинаида Шарко, Олег Ефремов, Владимир Высоцкий, Вениамин Смехов, Алла Демидова и другие.

1950–60-е гг. в театре – это период не просто подъема, это период реформирования театральной жизни. Молодые режиссеры стояли во главе многих театров, сплачивали вокруг себя актеров, единомышленников. Состав драматургов, пишущих о настоящей жизни и, тем самым, затрагивающих струны души, выражающих идеи, созвучные с идеями и настроениями всего общества, обновился. Так создавался новый театр. Не всегда это было создание новой театральной единицы, как, например, «Современник». Это было перерождение многих театров через реформирование его новым лидером. На сцену стали выходить новые идеи, новые морально-этические нормы. Творческие задачи стали выражением активной гражданской позиции театра. В спектаклях звучала тема личной ответственности.

Это время вошло в историю театра как период реформ. Поколение театральных деятелей, заявивших о себе в этом период, вошло в историю не только театра, но и всей страны.

Литература

1. Богданова П. Режиссеры-шестидесятники /П. Богданова. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 176 с.
2. Ефремов О. Н. О театре и о себе /О. Н. Ефремов. – М. : МХТ, 1997. – 248 с.
3. Смелянский А. М. Предлагаемые обстоятельства: Из жизни русского театра второй половины XX в. /А. М. Смелянский. – М. : Артист. Режиссер. Театр, 1999. – 351 с.
4. Табаков О. П. Моя настоящая жизнь : автобиогр. проза /О. П. Табаков. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 496 с.

Секция «МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

Т. Т. З. ДИнь

Иркутский государственный университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВАТИКАНА В ПЕРИОД «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1946–1991 гг.)

Для современного мира существование Ватикана, суверенного государства в 0,44 км² и идеологического центра католицизма, в центре столицы Италии является естественным. Тем не менее, образование города-государства – это результат сравнительно недавних событий (он возник в результате Латеранских соглашений, подписанных в 1929 г. между Италией и Святым престолом). Обыденное представление о папстве зачастую сводится ко времени его наивысшего расцвета: кострам Инквизиции и всеильным орденам, иногда может упоминаться сотрудничество папы римского с фашистским режимом. На основе этих разрозненных знаний может возникнуть вопрос, как произошел переход от Папского государства, стоявшего над королями и императорами, к привычному «демократичному» Ватикану? Ответ можно найти при рассмотрении периода «холодной войны», во время которого начинается внешнее и внутреннее реформирование и модернизация папства. Этот период (1946–1991 гг.) охватывает понтификаты пяти римских пап. Несхожесть их характеров, также как и особенности их реакции на международные события определила изменения во внешней политике Ватикана того времени.

Толчком к аджорнаменто (обновлению) стала международная и внутрицерковная изоляция при Пие XII (1946–1958), являвшаяся следствием его активной поддержки прозападной линии в «холодной войне». Его преемник Иоанн XXIII (1958–1963) нашел выход из изоляции в довольно радикальных реформах (например, политика открытости и «диалога» вне зависимости от политических убеждений), которые клерикальные круги восприняли

скорее как «революцию сверху». Павел VI (1963–1978) продолжил умеренную модернистскую политику предшественника, понимая, что возврат к подчеркнутому консерватизму и агрессивному антикоммунизму невозможен, а ускоренное обновление вызовет недовольство внутри Церкви. Снятие напряженности в отношениях с государствами социалистического блока и общая внутренняя стабильность позволили Иоанну Павлу II (1978–2005) вновь вернуться к консервативным взглядам, однако опыт Пия XII придал им гибкость и настойчивость при внешней ненавязчивости.

При анализе международной деятельности папства в период «холодной войны» можно выделить важную особенность – начало использования исключительно мягкой силы во внешней политике Ватикана. Разумеется, она всегда существовала как рычаг давления со стороны пап на политику других государств: это религия, образование и наука (существовавшая некогда монополия Церкви в этих сферах), – наряду с жесткой, что было отражением средневековой теории двух мечей. Согласно этой теории в руках папы римского, как заместителя Петра и «идеального» правителя мира, должны собраться светская и духовная власти, аллегорически представляемые двумя мечами. После потери территорий вследствие присоединения Рима к Италии в 1870 г. о «светском мече» оставалось только жалеть и вспоминать. Начиная с Иоанна XXIII, объявившего, что его в сфере ведения остаются только духовные и социальные вопросы, Ватикан, в лице следующих пап, выражал желание поставить себя над политикой государств. В этом и заключается новая стратегия папства, построенная на аполитичности и отрицании каких-либо политических целей. Огромный ресурс власти понтификов, таким образом, зиждется на доверии миллионов католиков по всему миру. Универсалистская мечта Григория VII (1073–1085) воплотилась в виде рассеянного по всей Земле морального государства, чему способствуют современные средства массовой информации и коммуникации. Именно реформы периода «холодной войны» привели к осознанию необходимости сближения Церкви с обществом. Способом создания ощущения «доступности» папы римского сейчас является наличие его блога в Твиттере, где от его имени выкладываются заметки, на которые подписаны более миллиона человек.

В постиндустриальном обществе Ватикан приспособился и научился добиваться своего не догматом, а убеждением. «Мяг-

кость» – вот что характеризует современную политику Ватикана и отличает от средневековой «жесткой» политики, сходной с политикой, проводимой его светскими соседями. Ватикан, найдя верную ноту, сейчас позиционирует себя в первую очередь, как духовное, а затем уже светское государство, для которого важнее социальное благо народов и свобода личности; это подкупает и не дает поводов для подозрений. Его внешняя политика сейчас, на что бы она ни была направлена: прозелитизм, экуменизм, разоружение, поддержание мира и т. д., – предельно «мягка», осторожна и убедительна.

А. Б. ПЕРФИЛЬЕВА

Иркутский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРОТИВОЛОДОЧНОЙ ОБОРОНЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Одной из важнейших составляющих в борьбе на море во Второй мировой войне была борьба с подводными лодками противника. Наибольшую угрозу для держав-союзниц представляли немецкие подводные лодки, основная тяжесть борьбы с которыми ложилась на ВМФ Великобритании. Развитие противолодочной обороны (ПЛО) является одним из ключевых аспектов морской войны в 1939–1945 гг. и наиболее важно здесь изучить развитие ПЛО Великобритании. Целью данной работы, таким образом, является рассмотрение основных этапов развития британской ПЛО.

Что касается имеющихся данных, автор в первую очередь выделяет британские источники. Здесь особо стоит отметить труд С. Роскилла [2], адмирала Королевского ВМФ, в котором дан анализ действий английских ВМС в целом (автор ссылается на переработанное и сокращенное издание). Помимо этого, необходимо выделить воспоминания участника боевых действий, офицера британского ВМФ, Д. Макинтайра [1], в годы войны служившего на эсминце в составе охранения конвоев. Что касается публицистики, статьи в советских военно-исторических журналах отвечают запросам автора, поскольку дают краткий анализ элементов ПЛО, либо дают оценку развития противолодочной обороны в

целом. Содержание этих статей во многом повторяет устоявшиеся в исследовательской литературе точки зрения по вопросам развития ПЛО, потому автор уделяет им особое внимание. Исходя из вышесказанного, автор выделяет три основные задачи – анализ указанных материалов, выделение основных этапов развития британской ПЛО и их систематизация.

Наряду с тем, что в период Первой мировой войны появилось новое и весьма успешное средство борьбы на морских коммуникациях – подводные лодки, начали развиваться и средства противолодочной обороны. Наиболее активно они должны были развиваться в английском флоте. Однако вплоть до окончания войны подводные лодки в королевском флоте считались оружием малоэффективным – система конвоев свела все успехи субмарин на нет.

Как полагает большинство исследователей, именно недооценка подводного оружия явилась причиной заминки в развитии средств противолодочной обороны. Так, к началу Второй мировой войны противолодочная оборона Великобритании находилась на уровне 1917–1918 гг. Основным средством борьбы с подводными лодками считалась система конвоев, которая начала действовать уже с 15 сентября 1939 г. Стратегия Британского ВМФ предполагала при основной задаче – обороне коммуникаций, что незначительные подводные силы немцев не смогут играть особой роли в войне на море. Это предопределило пассивность ПЛО в первый период войны. Радиолокационные средства в торговом флоте и эскортах не использовались вообще. Помимо этого, гидролокация ощутимо не продвинулась вперед, а с началом применения немцами тактики «стай» эффективность гидроакустических приборов еще упала. Тактические приемы кораблей ПЛО оставались на уровне Первой мировой войны. А «Битва за Англию» не позволяла широко задействовать авиацию. Потому в 1939–1940 гг. ПЛО явно проигрывала подводным лодкам. Таким образом, автор выделяет 1939–1940 гг. как первый этап развития ПЛО Великобритании во Второй мировой войне и характеризует этот период ее общей пассивностью. Немецкий флот не смог воспользоваться такой пассивностью только по причине малого количества субмарин, находившихся в его распоряжении. Вместе с тем, необходимо отметить важное стратегическое достижение ВМС Великобритании в это время – недопущение развертывания подводных лодок противника у английских берегов.

В 1941 г. начинается отчетливое усиление мер противолодочной обороны: поступают новые радиолокационные станции из США (осенью 1941 г. [6, с. 76]), начинается формирование корабельных поисково-ударных групп (КПУГ) в составе охранения конвоев. Кроме того, в связи с проигрышем Люфтваффе в «битве за Англию» и переброской авиации на восточный фронт, усиливается авиационное прикрытие конвоев. Как следствие, повышается вероятность уничтожения вражеских подлодок. Автор считает необходимым отметить этот период как второй этап в развитии британской ПЛО, поскольку небольшая передышка, сопровождавшаяся постепенной активизацией ПЛО, всё же не может считаться качественным переломом в структуре противолодочной обороны. Так, пассивность противолодочной обороны остается основной характеристикой, однако намечается переход к активной обороне.

Начиная с 1942 г. начинается установка компактных РЛС на самолеты [6, с. 76]. Можно считать, что техническое противостояние между союзниками и Германией в этот период определило дальнейший ход боевых действий. Радиолокаторы и гидролокаторы продолжали совершенствоваться, возрастает мощность глубинных бомб, начинают применяться радиогидроакустические буи [5, с. 99]. Продолжается усиление авиационного прикрытия. Несмотря на небольшой кризис системы конвоев в 1942 г., когда высказывались мнения о необходимости прекращения действия конвойной системы, было принято решение «увеличить эскортные группы под руководством британского командования» [2, с. 307]. Стоит отметить, что КПУГ стали важной составляющей активной ПЛО, изменилась тактика кораблей охранения: при обнаружении с помощью гидролокатора подводной лодки, корабль охранения следовал за ней, а несколько конвойных кораблей размещались по маршруту следования лодки и начинали атаку глубинными бомбами, которая могла продолжаться несколько часов. Также стоит отметить увеличение количества авианосцев и включение их в состав конвоев. «Самолеты... стали выступать средством защиты конвоев» [3, с. 28]. Эта ситуация вынудила Дёница отказаться от использования тактики «волчьих стай» в северной Атлантике. Так, третий этап развития ПЛО Великобритании можно охарактеризовать дальнейшей активизацией ПЛО и развитием методов ПЛО, а также борьбой в технической сфере.

Важным стратегическим достижением можно считать сужение операционной зоны немецких подлодок на основном морском театре – в Северной Атлантике.

В 1944–1945 гг. помимо технических достижений ПЛО можно отметить изменение характера противолодочной обороны Великобритании. Система конвоев как метод пассивной обороны также остается в действии, однако авианосцы и КПУГ в составе конвоя, являющиеся элементами активной ПЛО, можно считать элементами, изменяющими суть конвоя. То есть конвой теперь можно расценивать и как элемент активной ПЛО. Помимо этого, необходимо упомянуть об использовании активного поиска подводных лодок авиацией, расширившей свои возможности за счет технических достижений в этой области. Таким образом, этот период можно охарактеризовать как активное наступление британской противолодочной обороны, важнейшей частью которой являлось воздушное патрулирование. Усилия противолодочной обороны теперь были направлены на заблаговременное уничтожение подводных лодок и сужение их операционной зоны на всех морских театрах боевых действий.

Подводя итог, надо отметить, что в литературе и публицистике можно встретить большое количество различных периодизаций, в зависимости от того, какой аспект проблемы рассматривает автор – тактику, методы, либо совершенствование средств противолодочной обороны. Здесь автор выделяет этапы развития самой системы британской ПЛО, где тактика кораблей противолодочной обороны, применяемые ими средства и методы, являются важными составными частями, определяющими характеристики каждого этапа. Таким образом, первый этап из четырех, 1939–1940 гг., характеризуется в целом пассивной противолодочной обороной с сохранением прежних средств ПЛО. Второй этап, 1941 г., можно охарактеризовать как промежуточный – начинается постепенная активизация ПЛО и внедрение новых средств борьбы при сохранении пассивной обороны как основной. Третий этап, 1942–1943 гг., отмечен существенным увеличением средств и методов ПЛО, активизацией авиации и переходом к активной ПЛО. Наконец, на четвертом, заключительном этапе активная противолодочная оборона достигает высокого уровня, целью сил ПЛО является не сопротивление нападению подводных лодок, а активное наступление в море с целью сокращения опе-

рационной зоны подводных лодок и их заблаговременное уничтожение. Иными словами, к 1945 г. ПЛО превратилась «в развитую систему активных, наступательных мер и действий» [7, с. 65].

Литература

1. Макинтайр Д. Немецкие субмарины под прицелом английских эсминцев. Воспоминания капитана Королевских военно-морских сил. 1941–1944 / пер. с англ. А. Ф. Фроловой. – М. : Центрполиграф, 2010. – 233 с. – (За линией фронта. Мемуары).
2. Роскилл С. У. Флаг Святого Георгия: Английский флот во Второй мировой войне / С. У. Роскилл ; пер. с англ. А. Больных. – М. : Изд-во АСТ, 2002. – 555 с. – (Военно-историческая библиотека).
3. Еремеев Л. М. Вопросы конвоирования на море / Л. М. Еремеев // Морск. сб. – 1942. – № 8. – С. 26–35.
4. Иванов В. Взаимодействие союзников в годы второй мировой войны на море // Морск. сб. – 1995. – № 5. – С. 78–81.
5. Простаков А. Развитие средств обнаружения подводных целей в годы второй мировой войны // Воен.-ист. журн. – 1967. – № 4 – С. 98–104.
6. Простаков А. Радиотехнические средства сил ПЛО и тактика подводных лодок в годы второй мировой войны // Воен.-ист. журн. – 1977. – № 7. – С. 74–78.
7. Синегубов В. В. Развитие способов борьбы с подводными лодками // Воен. мысль. – 1984. – № 9. – С. 65–72.

Н. Н. СУХАНОВА

Иркутский государственный университет

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ 1949 г.

1949 г. считается поворотным годом в истории немецкого народа, поскольку именно тогда были созданы Федеративная Республика Германия и Германская Демократическая Республика. Советский гражданин узнавал об этих событиях благодаря газетам, материалы которых не только доносили факты, но и формировали отношение к происходящему, согласно позиции правительственного курса. Так, например, ни в одной газете нет упоминаний о ФРГ, так как вновь созданное государство советская власть назвала «Сепаратным Западно-Германским государством». Источниками для этой работы послужили материалы газеты «Восточно-Сибирская правда» за 1949 г. (общественно-политическая и деловая газета Восточно-Сибирского региона, крупнейшее издание советской Сибири тех лет). На основе этой газеты автор рассмотрел, под каким углом германский вопрос представлялся читателю; выявил особенности изложения материала и бытовав-

шую в то время риторику. В результате удалось создать образ происходящего в Германии, который мог возникнуть у жителя Советского Союза при получении информации из данной газеты.

Для удобства изложения автор разделил материал на несколько блоков.

1. Образ держав-союзниц и их отношения к немецкому народу, согласно материалам советской прессы

Америка на страницах «Восточно-Сибирской правды» представлена диктатором, не желающим соблюдать международные договоренности. Комментируя слова Трумэна о том, что основу внешней политики США составляет принцип стремления к миру и международному сотрудничеству, советский журналист пишет: «В послании Трумэна открыто признается, что и в дальнейшем правительство США будет проводить политику, направленную на завоевание мирового господства и уничтожение независимости других стран» [7].

Англия выступает в образе «приспешника» США. Франция предстает страной лояльной англо-американскому сговору и не осознающей нависшей над ней угрозы.

Что касается отношения к немецкому народу, то оно – лояльное и братское. СССР ратует за его интересы. Вся вина за войну возлагается на «гитлеровцев», «монополистов». Например, приводятся слова Сталина: «Опыт истории говорит, что Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается» [1].

Отношение западных стран к немецкому народу в интерпретации газеты резко негативное. Например, в «Восточно-Сибирской правде» есть небольшое сообщение берлинского корреспондента английской газеты «Йоркшир пост». «Забыв о том, что их страна является побежденной, немцы ожесточенно нападают на разработанные западными державами планы установления контроля над этим районом» [12]. Демонстрируется пренебрежительное отношение европейцев к немцам, которые, в свою очередь, единодушно выступают против деятельности западных держав. Дальнейший материал в этой статье крайне противоречив. Корреспондент продолжает писать о недовольстве со стороны немецкого населения, но приводит такие цитаты: «Работа горняков всячески поощряется: им выдаются дополнительные пайки папирос, спиртных напитков и продовольствия», «Рур дает рекордную продукцию угля (350 тыс. тонн в день)». Становится

неясным, почему явно положительные достижения вызывают сопротивление немецкого народа. Противоречия, игра с цифрами очень часто встречаются в советских статьях. Как и тот факт, что газета всегда исправно печатала полные тексты Международных коммюнике и постановлений советской власти, иностранные же документы и выступления давались всегда в цитируемых отрывках с подробными комментариями. Ссылаясь на источники информации, журналисты подчеркивали их достоверность и неопровержимость, используя такие фразы, как «Всем известно», «Но кто не знает...». Например, «Но кто не знает, что в действительности в Западной Германии жестоко преследуют демократических деятелей» [2].

2. Трактовка планов держав-победительниц в отношении Германии

Советская пресса настаивает, что англо-американская политика направлена на ремилитаризацию Германии и подготовку войны против народов Советского Союза. «Вместе с тем, дело идет о закабалении народов Западной Европы американским империализмом, который путем установления своего господства хочет сделать эти народы полностью зависимыми от себя и втянуть их в планы войны» [9].

Германские проблемы освещаются через заявления Коммунистической партии Германии во главе с Максом Рейманом, Немецкого народного совета (председатель Вильгельм Пик), и Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Эти политические силы, согласно материалам советской прессы, являются хранителями и выразителями национальных интересов немецкого народа. В противовес им существуют «изменнические происки западно-германских партийных лидеров против национальных интересов немецкого народа... злополучная деятельность Шумахеровского шпионского центра в Ганновере и сепаратистские круги вокруг Аденаура» [9].

В пример ставится деятельность СССР в Восточной Германии, «где магнаты финансового капитала и монополий лишены всех политических и экономических позиций и привилегий, где военные преступники наказаны, а бывшим номинальным нацистам предоставлены все возможности для работы совместно с демократическими слоями народа» [8].

3. Рурский статут

Как известно, Советский Союз не был приглашен на Лондонское совещание 1948 г. и не был включен в международный орган

контроля над Руром, что объясняет появление серии статей с негативными высказываниями в сторону этого мероприятия, которое представлялось как нарушающее принципы Потсдамского соглашения о сохранении единства Германии и о совместном решении ее судьбы державами-союзниками.

Рурская область, по мнению советских журналистов, превратилась в базу империалистической агрессии против Советского Союза, как и вся Западная Германия. В газете от 18 января напечатана статья о том, что министр внутренних дел Земли Северный Рейн Вестфалия (английская зона) Вальтер Меннель подготовил полицейские отряды (100 тыс. человек), которые «подвергаются политической обработке в духе воспитания ненависти к Советскому Союзу» [6]. Таким образом, у читателя складывается впечатление о возрождении немецкой агрессии в Западной Германии.

Некоторые небольшие статьи коротко, но эмоционально, сообщают о жизни оккупантов. Например, о свадьбе дочери английского военного губернатора за счет оккупационных денег и конфискации 400 квартир для гостей [11]. Такие факты, безусловно, должны были вызывать более сильное возмущение советских читателей, чем пространные заявления политиков. Советский Союз, наоборот, делал все для развития своей оккупационной зоны. Он добился значительных результатов в промышленном производстве и увеличении торговых оборотов.

4. Процесс образования ФРГ и ГДР.

8 мая 1949 г., как известно, в Западной Германии была принята Боннская конституция. Многие статьи газеты указывают на то, что оккупационные войска «навязали» ее немецкому народу. «Боннская конституция – махинация, которая не имеет ничего общего с немецкими интересами» [3].

Даже после провозглашения Боннской конституции в прессе не появляется ни малейшего намека на предстоящее создание ФРГ. До конца пропагандируется мысль о создании единой Германии. Появляется серия статей о снятии ограничений по связи, транспорту и торговле между зонами оккупации, и о предстоящем заседании СМВД в Париже (23 мая – 20 июня 1949), на котором возлагаются надежды по объединению Германии.

Только в начале октября, уже после завершения образования правительства ФРГ, в газете появляется нота СССР по германскому вопросу: «Образование сепаратного правительства для запад-

ных зон Германии нельзя квалифицировать иначе как завершение политического раскола Германии. Всем известно, что никто и не спрашивал мнения германского народа по этому вопросу. Это – марионеточное государство, послушное орудие западных оккупационных властей. Со своей стороны Советское правительство вело неуклонную борьбу против раскола Германии, но Западные державы завершили проведение антидемократической политики образованием сепаратного западно-германского правительства, отданного в руки вчерашних прислужников гитлеровского режима» [4].

Статья в полной мере отражает позицию Советского Союза по вопросу о создании Федеративной Республики Германия. Далее последовал шквал обвинительных статей, в которых приводились речи как представителей внутренних германских сил, так и представителей всех государств мира с критикой в адрес Западных держав.

На фоне этого потока обвинений, критики и возмущения, диаметрально противоположным образом сообщается новость о создании ГДР, которая была создана благодаря деятельности Немецкого народного совета – подлинного выразителя немецких интересов. На страницах газет публикуются речи немецких политиков. «Вновь был подтвержден тот факт, что из всех великих держав только СССР является другом единства и независимости демократической Германии» [5]. «ГДР – заслон и препятствие на пути планов Западных держав» [10].

11 ноября в газете публикуют заявление об образовании Советской контрольной комиссии в ГДР. Этот шаг явно говорил о том, что Советский Союз был намерен и впредь вмешиваться в дела республики.

В результате, попробуем схематично нарисовать конечный образ, который должен был сложиться у советского гражданина после знакомства с материалами газет того времени.

Запад хочет навязать новую войну, готовит агрессию и хочет использовать «ни в чем не повинную Германию». Советский Союз думает о судьбах мира и немецкого народа, который он простил, несмотря на лояльность гитлеровским действиям. Немцы солидарны с СССР и просят его о помощи. Что бы ни делал Советский Союз, западным державам, благодаря саботажу переговоров и предателям в среде самих немцев, удастся создать сепар-

ратное западно-германское государство, которое будет служить плацдармом для агрессии и колонией англо-американского блока. Рядовые немцы против этой акции, поэтому их братья из восточной зоны решили создать Национальный фронт и взять управление в свои руки. Они обратились за разрешением к Советскому Союзу и получили его. Так появилась Германская Демократическая Республика – заслон для империалистической агрессии. Осознавая свою вину перед СССР, вновь образованная ГДР выразила желания сотрудничать с ним, возместить ему нанесенный ущерб и допустить, чтобы Советский контрольный совет «присматривал» за немецким государством.

Такой политически выверенный образ стремились создать газеты у советского гражданина. Противоречия в подаче информации и деталях, выявляются только при скрупулезном сопоставлении статей, и, вероятно, при непосредственном желании их найти. В случае же свободного чтения газеты, как оно и было на самом деле, принять такой образ на веру было очень легко.

Литература

1. Важный шаг германского народа // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 12 окт. – С. 1.
2. На Парижской сессии совета министров иностранных дел // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 28 мая. – С. 4.
3. Новый диктат военных властей западных оккупированных зон Германии // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 8 марта. – С. 4.
4. Ноты правительства СССР правительствам США, Великобритании и Франции // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 4 окт. – С. 2.
5. О вине и ответственности раскольников Германии. Заявление Политбюро СЕПГ // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 8 окт. – С. 4.
6. Подготовка полиции в Зап. Германии // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 18 янв. – С. 4.
7. Послание Трумэна конгрессу // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 8 янв. – С. 4.
8. Прекращение денацификации западными державами. Заявление заместителя советского коменданта Берлина // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 25 февр. – С. 4.
9. Протест Немецкого народного совета против решения Лондонской конференции по вопросу о Руре // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 4 янв. – С. 4.
10. Речь президента Германской Демократической Республики Вильгельма Пика // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 15 окт. – С. 3.
11. Свадьба за счет оккупационных властей // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 31 июля. – С. 4.
12. Сообщение в газете «Йоркшир пост» берлинского корреспондента // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 9 янв. – С. 4.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В XIII–XIV вв.

В XIII–XIV вв. Венецианская республика была процветающим государством; ее благополучие было основано на мореплавании и торговле. Венеция, как и многие другие итальянские города-государства, служила торговым «мостом» между Западом и Востоком. Она имела множество колоний на побережье Средиземного и даже Черного морей, а в 1339 г. приобрела также ряд владений и на материке. Безусловно, всё это обязывало республику Сан-Марко иметь развитую систему дипломатических связей для обеспечения собственной безопасности и защиты своих интересов.

Венеция имела официальных представителей в государствах, с которыми поддерживала политические и торговые отношения. Часто те или иные лица совмещали дипломатическую и торговую деятельность. Масштабы международных связей республики поражают своим размахом. Так, в конце XIV в. венецианский торговый агент появился в такой отдаленной стране, как Сиам. Кроме официальных лиц, государство пользовалось услугами целой сети тайных агентов и шпионов, контролируемых Советом десяти – одним из важнейших государственных органов республики. Ими могли быть женщины, монахи, купцы и даже врачи. Благодаря им, Венеция всегда была прекрасно осведомлена о событиях, происходящих в других государствах. Например, вскоре после неудавшегося переворота в республике в 1310 г. Баймонте Тьеполо, один из его организаторов, высланный из города в Далмацию, вернулся в Ломбардию и начал подготовку нового восстания. Несмотря на то, что он находился за пределами Венеции, «разведка могла просчитать любые его действия на шаг вперед» [3, с. 266].

Тщательно организованной и четко регламентированной была работа венецианских послов за границей. При отправлении в миссию посол получал подробную инструкцию с указаниями, что необходимо делать, как говорить и т. д. Послам было запрещено получать какие-либо титулы в других государствах; по возвращению они должны были передать республике все подарки, полученные за границей. Им нельзя было брать в миссию жен, чтобы избежать разглашения государственных тайн, однако разрешалось взять с собой повара, чтобы не быть отравленным. По-

слы должны были регулярно (несколько раз в неделю) отправлять в Венецию депеши, в которых излагалась текущая обстановка в стране пребывания посла, его наблюдения и т. д. Республика получала самую свежую информацию о политической ситуации в мире и могла выстраивать свою политику в соответствии с этими сведениями. Венеция также заботилась о секретности этих донесений, и часто они были зашифрованы, несмотря на неудовольствие государств, в которых выполняли свои миссии венецианские послы. Одной из функций Совета десяти было отслеживание шифров и изобретение новых.

После возвращения на Риальто посол должен был в течение 15 дней зачитать в сеньории специальный доклад. Он содержал подробные сведения о политической ситуации, экономическом потенциале, материальных ресурсах иностранного государства, описания его руководителей, положения различных социальных слоев общества и т. п. После прочтения посол собственноручно записывал произнесенный текст, который передавался великому канцлеру, а затем попадал на хранение в секретный архив. Донесения послов очень ценились иностранными государствами, «которые всячески стремились раздобыть их» [1, с. 165].

Стоит отметить, что Венеция почтительно обращалась с послами других государств, жившими на ее территории. Так, Филипп де Коммин пишет, что в свое пребывание в Венеции он был «освобожденным от всех расходов, как и другие послы» [2, с. 307]. Показательны в этом плане события 1177 г., когда в городе проходила встреча германского императора Фридриха I Барбароссы и римского папы Александра III, а также был заключен договор между Фридрихом и представителями городов Ломбардской лиги. Венеция организовала роскошный прием собравшимся в ней иностранным делегатам.

Внешняя политика Венецианской республики отличалась стремлением извлечь из любой ситуации максимальную выгоду, и ей это часто удавалось. Предоставляя свой флот в пользование Византии и крестоносцам, она получала значительные торговые привилегии и часть завоеванных в крестовых походах земель. Венеция зачастую не принимала непосредственного участия в политических событиях, а поддерживала ту или иную сторону в своих интересах (например, финансировала Ломбардскую лигу, не всегда принимая участие в военных действиях), умело сталки-

вала друг с другом своих противников и осуществляла выгодную ей политику чужими руками.

Самым ярким представителем венецианской дипломатии XIII в. стал ее 41-й дож – Энрико Дандоло. Он родился около 1107 г. в знатной и состоятельной венецианской семье. Его дядя, чье имя было также Энрико Дандоло, был высшим церковным сановником в городе, а его отец Витале – судьей и советником при доже Витале Микеле. К сожалению, подробных сведений о деятельности Энрико до 1172 г. нет. Известно, что он не был эмансипирован и находился под покровительством отца. Возникали предположения, что все эти годы он не жил в Венеции, а занимался торговлей в Константинополе, Александрии и Тире, но эта гипотеза не получила подтверждения.

До избрания дожем Дандоло занимался дипломатической деятельностью. Он был в числе советников, сопровождавших Витале Микеле в его дипломатической поездке в Византию в 1171–1172 гг., и в составе одной из делегаций, направленных к императору Мануилу Комнину. Целью поездки было освобождение венецианских заложников, плененных при нападении на венецианский квартал в Константинополе. Возможно, именно тогда у будущего дожа сформировалось негативное отношение к Византии, без которого, по мнению автора, события Четвертого крестового похода имели бы несколько другой характер. Дандоло также сыграл большую роль в установлении торговых отношений с Египтом, после смерти отца занимал должность судьи, а также принимал участие во встрече папы Александра III и Фридриха Барбароссы в Венеции летом 1177 г. В 1183 г. Дандоло добился освобождения венецианских узников Византии и восстановления венецианского квартала в Константинополе, а в начале 1190-х гг. заключил выгодный договор с Феррарой.

Любопытно, что с 1174 г. зрение Дандоло начало падать, и к 1183 г. он был уже абсолютно слеп. Тем не менее, в 1192 г. 85-летний Энрико был избран дожем. При нем был составлен письменный свод законов республики, регулирующий имущественные права женщин, торговые сделки, права иноземцев в городе, вопросы наследования, собственности и т. д. Была проведена финансовая реформа, «сделавшая Венецию одним из основных игроков на европейском и средиземноморском валютных рынках» [4, с. 111]. Были заключены договоры с Вероной, Тревизо и

Константинополем, направленные на защиту интересов венецианских купцов за границей и получение новых торговых привилегий.

Однако в полной мере дипломатический талант Энрико Дандоло проявился, безусловно, в ходе Четвертого крестового похода. Согласно договору, заключенному с крестоносцами, они обязаны были выплатить Венеции всю сумму за ее услуги (а именно предоставление транспорта и продовольствия для похода) независимо от численности крестоносного войска. Это позволило Дандоло использовать в своих целях крестоносцев, когда в назначенный для сбора день их число было приблизительно на две трети меньше предполагаемого, и выплатить венецианцам всю сумму войско было не в состоянии. Дандоло направил крестоносцев не в Египет, как предполагалось изначально, а на штурм города Зары (Задар), ранее отвоеванного у Венеции Венгрией. Таким образом, республика сохранила выгодные торговые отношения с Египтом и вернула утраченное владение. Далее, направив войско в Византию, захватив и разграбив Константинополь, венецианский дож совместно с крестоносцами образовал в 1204 г. на месте павшей Византии Латинскую империю, фактически ставшую владением Венеции. Это позволило республике вернуть и значительно усилить свои позиции на Черном море, ранее подорванные ограничением торговых привилегий Венеции в Константинополе, устранить из черноморской торговли конкурентов – Геную и Пизу – и уничтожить давнего политического соперника – Византию.

Таким образом, развитая дипломатическая система Венецианской республики во многом способствовала расцвету государства. Самым ярким примером этого стала деятельность Энрико Дандоло: создание Латинской империи положило начало венецианской колониальной империи.

Литература

1. История дипломатии. В 3 т. /ред. В. П. Потемкин ; сост. С. В. Бахрушин и др. – М. : Гос. соц.-эконом. изд-во, ОГИЗ, 1941. – Т. 1. – 568 с.
2. Коммин Ф. де. Мемуары /Ф. де Коммин. – М. : Наука, 1986. – 495 с.
3. Норвич Дж. История Венецианской республики /Дж. Норвич ; пер. с англ. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2010. – 862 с.
4. Madden Th. F. Enrico Dandolo and the rise of Venice [Electronic resource] /Th. F. Madden. – URL: <http://ru.scribd.com/doc/127379465/Thomas-F-Madden-Enrico-Dandolo-and-the-Rise-of-Venice#download> (accessed: 21.04.2013).

Секция «СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

А. С. КУКЛИНА

Иркутский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В декабре 2012 г. прошли внеочередные выборы в нижнюю палату парламента Японии. В результате победу одержала Либерально-демократическая партия во главе с Абэ Синдзо, который уже занимал должность премьер-министра в 2006–2007 гг., но добровольно ушел в отставку по причине резкого падения доверия к своему кабинету.

Во время одного из своих первых выступлений в качестве нового премьер-министра Абэ Синдзо рассказал о первоочередных внешнеполитических задачах. По-прежнему главным направлением является укрепление двусторонних отношений с США, а также решение внешнеполитических проблем с Китаем и построение с ним в дальнейшем партнерских отношений во многих сферах.

Но был затронут еще один, не менее важный и острый вопрос: отношения между Японией и Россией. Будет ли сделан шаг к сближению двух государств? Сам факт того, что премьер-министр затронул эту тему, удивил присутствовавших на интервью журналистов, так как во время своей предвыборной кампании этот вопрос он ни разу не поднимал.

Абэ Синдзо выразил готовность к развитию сотрудничества и урегулированию вопросов о Южных Курилах и спора вокруг Корейского полуострова, а в дальнейшем и возможность заключения мирного договора. «Наши отношения с Россией – одни из самых богатых возможностями. Я буду упорно работать над построением с Россией отношений партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе с тем, чтобы на основе их всестороннего развития решить проблему северных территорий, крупнейшую

между двумя странами и заключить мирный договор», – заявил глава японского правительства в ходе выступления [5]. Можно ли назвать это шагом вперед в отношениях двух стран? Или же все ограничится официальными заявлениями, и остановится на этапе переговоров?

Отношения современной России и Японии насчитывают два десятилетия. Однако развиваются они под сильнейшим давлением всей истории двусторонних отношений, начиная с 1855 г., когда был подписан первый русско-японский договор и возникли первые территориальные споры. И сегодня существует множество факторов, которые тем или иным образом останавливают возможность двустороннего диалога. «Ни Токио, ни Москва пока не определились с тем, какова стратегическая значимость для них этих отношений» [2].

Но время диктует свои условия. Россия и Япония должны реализовать значительный потенциал возможного сотрудничества. Существует обоюдная политическая и экономическая заинтересованность двух сторон, но ее уровень слишком низок, чтобы говорить о полноценном стратегическом партнерстве. Экономические связи демонстрируют динамику, однако доля Японии в российском товарообороте составляет всего 4 %, а доля российских товаров в Японии еще меньше – 1,8 %, т. е. торговля не занимает значительного места в двусторонних отношениях. В то же время появляются все новые предпосылки для расширения двустороннего сотрудничества в этой сфере. После аварии на АЭС «Фукусима-1» Япония как никогда нуждается в дополнительных энергетических ресурсах, которые могла бы предложить Россия. В свою очередь, Япония, находящаяся на первых местах в мировом рейтинге по уровню развития технологий предлагает совместить российские ресурсы с японскими разработками. И вероятность такого союза довольно велика, если сначала обе стороны придут к согласию в политических вопросах.

И тут основным препятствием для развития сотрудничества между двумя странами выступают территориальные споры. Попытки его решения предпринимались неоднократно, однако практически всегда заканчивались неудачей. Расхождения сторон не просто значительны, а принципиальны. Не только японская правящая элита, но и общественность считает позицию возвращения островов Кунашир, Хабомаи, Шикотан и Итуруп справедливой и законной.

Для обсуждения этого вопроса, а также многих других, впервые за последние десять лет прошли двусторонние переговоры Россия–Япония на высшем уровне, что является большим шагом для становления принципиально новых отношений между двумя государствами. С 28 по 30 апреля 2013 г. японский премьер-министр находился с официальным визитом в Москве. На встрече Президент РФ Владимир Путин и премьер-министр Японии Абэ Синдзо поручили своим внешнеполитическим ведомствам активизировать работу по мирному договору между странами, подчеркивая при этом, что «в этом вопросе нельзя торопиться – необходимо с особой тщательностью подойти ко всем аспектам» [4].

В ходе встречи были затронуты многие темы: перспективные сферы сотрудничества (экопродукты, автопром и медицина), расширение поставок российского газа в Японию, а также создание «Российско-Японской инвестиционной платформы». Но основными вопросами опять выступили мирный договор и территориальный спор. И российская, и японская сторона подчеркнули, что будут твердо отстаивать свои позиции по этим пунктам. «Это действительно непростой вопрос. И нет в мире такой волшебной палочки, которая могла бы одним махом решить эту проблему. Фактом является то, что между позициями двух стран существует большое расхождение. А для того, чтобы все это решить, необходимо не спеша и основательно вести переговоры», – сказал Абэ Синдзо [3]. С другой стороны, несмотря на многие существующие проблемы, за первые три месяца 2013 г. отношения России и Японии продвинулись дальше, чем за последние десять лет. Нельзя ожидать становления совершенно иных, дружественных и партнерских отношений в ближайшее время, но первые шаги, сделанные двумя сторонами, внушают уверенность в будущем взаимодействии.

Литература

1. Встреча министров иностранных дел Японии и России (основное содержание) [Электронный ресурс] //Посольство Японии в России. – URL: <http://www.ru.emb.japan.go.jp/RELATIONSHIP/2013/20130410.htm>.

2. Панов А. Н. Современные российско-японские отношения и перспективы их развития /А. Н. Панов, В. О. Кистанов, Д. В. Стрельцов. – М. : Спецкнига, 2012. – 32 с.

3. Переговоры Владимира Путина и Синдзо Абэ [Электронный ресурс] //ИТАР-ТАСС. – URL: <http://www.itar-tass.com/c554/723217.html>.

4. Японо-российская встреча на высшем уровне (основное содержание и оценка) [Электронный ресурс]//Посольство Японии в России. – URL: <http://www.ru.emb.japan.go.jp/RELATIONSHIP/2013/20130429.htm>.

5. Японский премьер Синдзо Абэ планирует улучшить отношения с Россией [Электронный ресурс]// Рос. газ. – URL: <http://www.rg.ru/2013/02/28/otnoшения-anons.html>.

Н. М. КУРБАНОВА

Иркутский государственный университет

РОССИЙСКИЕ ОЦЕНКИ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ США ПРОТИВ ИРАКА В 1991 и 2003 гг.

Причиной интереса многих исследователей к отношениям между Россией и США является не прекращающееся со времен холодной войны соперничество между этими странами. Это соперничество можно заметить, например, в расширении НАТО на Восток, в расхождении позиций двух стран по осетино-грузинской войне, по войне в Ираке, по конфликту в Сирии. Еще один факт, указывающий на напряженные отношения между Россией и США – подписанный Конгрессом США акт Магнитского, запрещающий въезжать в Штаты 60 российским чиновникам, которые, по мнению Государственного департамента США, причастны или подозреваются в причастности к смерти С. Л. Магнитского. Ответом с российской стороны стал закон Димы Яковлева, не позволяющий усыновлять российских сирот американскими гражданами.

Помимо политических противоречий существуют и экономические противоречия. Ближний Восток – один из ключевых пунктов столкновения прагматических интересов двух государств, для экономики которых лидерство на мировом нефтяном рынке играет немаловажную роль. Поэтому военные операции США против одной из стран Персидского Залива, обладающей значительными запасами нефти – Ирака, в 1991 и 2003 гг., вызывают большой интерес российских ученых и политиков.

Целью данной работы является сравнительный анализ оценок военных операций США против Ирака «Буря в пустыне» 1991 г. и «Шок и трепет» 2003 г., представленных российскими экспертами, который может способствовать лучшему пониманию характера отношений между Россией и США на протяжении последнего двадцатилетия. В ходе работы автором были использо-

ваны статьи журнала «Международная жизнь», издаваемого Министерством иностранных дел России. Были исследованы все выпуски, начиная с 1991 г. и заканчивая 2013 г.

Оценки российских экспертов войны 1991 г. были обнаружены в 23 статьях журнала, из которых 13 были выпущены в год проведения военных действий, а остальные в течение 1992–1994 гг. В свою очередь, российские позиции по событиям 2003 г. были представлены в 12 статьях издания, из которых 7 были опубликованы в год проведения операции. Такие цифры могут говорить о том, что ситуация в Персидском Заливе, стоявшая на повестке дня, регулярно освещалась, а в 2003 г. привыкшие к политическим маневрам США российские эксперты не были удивлены очередной американской военной акцией.

В целом оценки разными российскими специалистами одной и той же операции, 1991-го или 2003-го г., можно охарактеризовать как достаточно схожие по своей сути, но при сравнительном анализе оценок двух этих военных акций обнаруживаются значительные различия. Эти различия можно объяснить, опираясь на характеристику причин конфликтов, их хода и результатов.

При рассмотрении военных операций в 1991 и в 2003 г. заметны следующие различия:

Военную операцию в Персидском Заливе санкционировал Совет Безопасности ООН, а вторжение в Ирак в 2003 г. было одобрено не международной организацией, а Конгрессом США.

В 1991 г. официальной целью было выполнение резолюции № 660 СБ ООН по установлению мира в регионе, в 2003 г. – ликвидация оружия массового уничтожения (ОМУ) и опорных баз международных террористических организаций.

Военные действия в 1991 г. продолжались примерно 40 дней, а война, начавшаяся в 2003 г., растянулась почти на 10 лет.

Цели операции в 1991 г. были формально достигнуты: Кувейт освободили от иракского присутствия, а в ходе войны, начавшейся в 2003 г., цели, ставившиеся американской администрацией по предотвращению изготовления оружия массового поражения и ликвидации опорных террористических баз, не только не были достигнуты, но, кроме того, оказалось, что обвинения, выдвигавшиеся против иракского руководства и послужившие поводом для начала операции фактически не были подтверждены.

Вместе с тем, в этих операциях можно отметить и сходства:

Мотивы деятельности США в Персидском Заливе в 1991 г. и в Ираке в 2003 г. объясняются нефтяными интересами со стороны США в ближневосточном регионе.

После событий в Персидском Заливе в 1991 г., отмечалось, что США так или иначе вовлечены в дела всех государств мира. А после вторжения в Ирак в 2003 г., аналитики отмечали, что в Штатах появилась новая политическая концепция – «доктрина смены режимов» в зарубежных странах.

Переходя непосредственно к анализу оценок операций российскими экспертами необходимо отметить, что в отношении войны против Ирака в 1991 г. большинство авторов статей подчеркивали новую для СССР прозападную позицию в отношении событий в Персидском Заливе: «В качестве нового этапа российско-американских партнерских отношений многими политологами называется война в Персидском Заливе, когда СССР, выступив на стороне антииракской коалиции, придал последней действительно глобальный характер» [2, с. 69]. Кроме того, в статьях российских специалистов общепринятой является позиция, согласно которой в 1991 г. иракский режим, а не США, представлял угрозу мировому сообществу, доказывая это агрессией против Кувейта.

Некоторые эксперты озвучили в своей точке зрения и истинные, на их взгляд, мотивы США, которые не ограничивались освобождением Кувейта: «США активно реагировали на агрессию Ирака, исходя не из необходимости восстановления справедливости и поддержания международной законности, а из-за эгоистических, прежде всего нефтяных и финансов интересов» [4, с. 93].

Также в статьях были упоминания о том, что мировое сообщество нуждается в создании более эффективного механизма миротворческой деятельности, чем военный механизм.

В оценках операции США в Ираке 2003 г. многие специалисты прямо осуждали действия западного руководства, так, об этом пишет Е. М. Примаков в своей статье: «Принципиальная позиция России, заключается в том, что мы характеризуем американские действия в Ираке как грубую историческую ошибку» [3, с. 4].

В статьях, посвященных войне 2003 г., прослеживается практически единое мнение о нелегитимности военной операции: «Операция была совершена в обход ООН, что поставило под со-

мнение верховенство международного права, соблюдение Устава ООН» [3, с. 4], о необоснованных обвинениях против Ирака, выдвигавшихся американской стороной, о разрушительных последствиях войны для Ирака.

Некоторые авторы подчеркивали следование американцев «доктрине смены режимов» в зарубежных государствах и обозначали это, а не уничтожение ОМУ и борьбу с глобальными террористическими организациями, как истинную цель США в операции против иракских властей. Ряд специалистов, среди которых В. Е. Титоренко, отмечали рост числа террористов в Ираке после событий 2003 г.

Между тем, некоторые эксперты, например, А. А. Бессмертных, называли положительными итогами акции свержение С. Хусейна, снятие опасений по поводу возможного наличия в Ираке ОМУ [1].

Иракский конфликт получил широкую огласку в российской прессе. Некоторые эксперты акцентировали свое внимание на последствиях военных акций для Ирака, на многочисленных человеческих жертвах, на подорванных международных позициях этого арабского государства, как после 1991 г., так и после 2003 г. Другие специалисты отмечали, что ошибки администрации США в 2003 г. стоили самим американцам сотням миллиардов долларов.

Литература

1. Бессмертных А. А. Иракская война и её возможные последствия //Междунар. жизнь. - 2003. - № 7. - С. 29-43.
2. Кобринская И. Я. Внешняя и внутренняя политика России //Междунар. жизнь. - 1993. - № 9. - С. 69.
3. Примаков Е. М. Предлагалось С. Хусейну отказаться от поста президента и провести демократические выборы //Междунар. жизнь. - 2003. - № 12. - С. 3-9.
4. Шумихин А. Наше место в системе мировых отношений //Междунар. жизнь. - 1991. - № 10. - С. 92-93.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ БУРЯТСКОЙ АВТНОМИИ В КНР

Китайская Народная Республика позиционирует себя как многонациональное государство, и этот статус, как правило, подкрепляется властями путём прокламирования списка из 56 официально признанных центральным правительством национальных меньшинств, постоянно проживающих на территории КНР. Символичным является тот факт, что критерии отбора национальностей для занесения их в список более чем туманны. До сих пор не установлено никаких условий, не описан процесс внесения других народностей в этот список. Тем не менее, занесение в него даёт заметные преимущества, включая солидную поддержку со стороны центральных властей и дискриминационное (по отношению к ханьцам) избирательное законодательство.

Эвенкийский автономный хошун (единица равная автономному уезду КНР) входит в состав городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия. Хошун отличается от остальных тем, что в его состав входит Шэнэхэн, автономный сомон, являющийся местом компактного проживания бурят на территории Китайской Народной Республики. Сомон объединяет три посёлка и двенадцать деревень. Центром сомона считается Шэнэхэн-Барун, имеющий население в 2056 жителей [11]. Общая же численность этнических бурят в сомоне составляет около 7000 человек [1] (из 8605 населения сомона) [10].

Обращаясь к истории вопроса, стоит заметить, что буряты оказались в Китае не случайно, большинство попало туда в поисках новых пастбищных земель, но были и те, кто бежали от гражданской войны. Даже данное сомону название – «шэнэхэн», переводится не иначе как «новая земля», что выражало надежды переселенцев на новую счастливую жизнь. Правительство Поднебесной изначально выделило хошун в 1934 г. для расселения солонов (маньчжурские родственники тунгусов и эвенков), однако после победы Коммунистической Партии Китая в гражданской войне в 1949 г. и окончательного закрепления коммунистов в Маньчжурии и Внутренней Монголии, национальная политика была изменена. Фактически ликвидировался маньчжурский этнос, а свя-

занные с этой народностью национальные автономии упразднены. Это привело к тому, что в 1956 г. карта Внутренней Монголии была изменена. Эвенки и буряты получили отдельный хошун площадью девятнадцать тысяч квадратных километров [12]. Девять тысяч из них занимают пастбища, официально закрепленные за фактически бурятским Шэнхэнским сомоном. Таким образом, эвенки имеют превосходство над бурятами в численности, но, в то же время, имеют меньше возможностей для ведения хозяйства из за сильно ограниченной площади пастбищ [6]. Ханьцы, в свою очередь, составляют ядро почти 75-тысячного административного центра хошуна, города Баян-Тохой [2], образуя основную численность населения национального уезда. Монголы также обгоняют титульную нацию хошуна по численности (правда стоит заметить, что иногда в статистике буряты не выделяются как отдельный этнос и присоединяются к родственным им монголам).

Из вышесказанного следует, что юридически прокламированная этничность хошуна выражена не совсем корректно. На деле ханьцы, работающие в добывающей промышленности, формируют основной ВВП хошуна (путём угольных разработок на даянском разрезе) [9]. Буряты, в свою очередь, контролируют аграрный сектор (поголовье скота в одном только Шэнхене насчитывает более 320 тыс. голов, а ежегодный объём выдачи мяса составляет более 5 тыс. т, молока – 42 тыс. т) [10]. Эвенки, в свою очередь, уже имеют собственную национальную автономию в составе КНР (Орочонский автономный хошун, Хулун-Буир, АРВМ) [8], кроме того, они проживают практически равномерно по всей территории городского округа Хулун-Буир. А их численность на территории собственно эвенкийского автономного хошуна, соизмерима с численностью проживающих там бурят.

В то же время буряты, как минимум семь тысяч из которых являются гражданами КНР, постоянно проживающими на территории КНР, в отличие от эвенков, не являются официально признанной «малой народностью КНР» и не входят в список официально признанных 56 национальностей КНР. Из-за этого они оказываются лишены множества положенных привилегий, например, выборов собственных районных глав, выборов делегатов от национальности на созыв провинциального и всекитайского уровней совета народных представителей и т. д. В свою очередь,

подобные привилегии, ввиду официального признания «малой народностью КНР», имеют куда более малочисленные народы: татары (4890 человек), нанайцы (4640 человек), гаошань (4461 человек), лоба (2965 человек) [5].

Для китайских властей было бы разумным шагом пойти на уступки, ведь в стране на данный момент проживает более 730 тыс. человек с непризнанной этнической идентичностью [5], и на этом фоне признание национальности лоба, имеющей крайне малое влияние и численность, выглядит как хороший прецедент. В качестве подобного прецедента может рассматриваться и учреждение Эньхэ-Русской национальной волости в 1994 г. [13]. Стоит заметить, что численность этнических русских, постоянно проживающих на этой территории, никогда не достигала и двух тысяч человек, что, в свою очередь, вновь ставит вопрос относительно «двойных стандартов» во внутренней политике китайского руководства. Русские, проживающие в волости, имеют собственный этнографический музей, храм [3], центр культуры и т. д. Все подобные заведения пользуются неограниченной поддержкой КПК.

В эвенкийском автономном хошуне подобные меры по сохранению национальной идентичности не культивируются. Единственный построенный в хошуне дацан, восстановленный после Культурной Революции, в 2009 г. реставрировался на пожертвования прихожан-буддистов [4]. Эвенки, являющиеся шаманистами, в восстановлении участия не принимали.

Подводя итог вышесказанному, авторы полагают, что на сегодняшний день нет достаточных предпосылок для формирования бурятской идентичности, а, следовательно, и автономии в КНР. Существующие прецеденты показательны, однако все они являются следствием политической воли, выраженной «сверху». Гражданские инициативы находят слабую поддержку в Пекине. В то же время, с точки зрения демографии, экономики и политики есть все шансы для выделения бурятов в качестве новой «малой народности КНР» с предоставлением им национальной автономии либо на равных с эвенками основаниях, либо в рамках эвенкийского автономного хошуна.

Литература

1. Балдоржиев В. П. Земля за Ононом [Электронный ресурс] //Проза.ру. – URL: <http://www.proza.ru/2011/08/25/1605>.

2. Баян-Тохой [Электронный ресурс] //Интерактивная карта Китая. – URL: http://www.tcmap.com.cn/neimenggu/ewenkezuzizhiqi_bayanzhen.html.

3. В Китае впервые за 50 лет освящен православный храм [Электронный ресурс] // Седмица.ру. – URL: <http://www.sedmitza.ru/news/779398.html>.
4. В местности Шэнэхэн Хулэн-Буйрского аймака Внутренней Монголии построен новый дацан [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет : сайт изд. – URL: http://savetibet.ru/2009/08/18/inner_mongolia.html.
5. Всекитайская перепись 2000 г. [Электронный ресурс] // Бюро государственной статистики КНР : офиц. сайт. – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/renkoupuocha/2000puocha/html/t0106.htm>.
6. Национальности [Электронный ресурс] // Эвенкийский автономный хошун : офиц. сайт. – URL: <http://www.ewenke.gov.cn/Item/list.asp?id=557>.
7. Непризнанные народности Китая [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Undistinguished_ethnic_groups_in_China.
8. Ороchonский автономный хошун [Электронный ресурс] // Интерактивная карта Китая. – URL: <http://www.tcmmap.com.cn/neimenggu/elunchunzizhiqi.html>.
9. Результаты развития промышленности в первом квартале 2009 г. [Электронный ресурс] // Эвенкийский автономный хошун : офиц. сайт. – URL: <http://www.ewenke.gov.cn/Item/Show.asp?m=1&d=7087>.
10. Шэнэхэн [Электронный ресурс] // Интерактивная карта Китая. – URL: http://www.tcmmap.com.cn/neimenggu/ewenkezuzizhiqi_xinihezhen.html.
11. Шэнэхэн-Барун [Электронный ресурс] // Автономный район Внутренняя Монголия: офиц. сайт. – URL: <http://neimeng.uemap.com/survey/xinihezhun/#>.
12. Эвенкийский автономный хошун [Электронный ресурс] // Интерактивная карта Китая. – URL: <http://www.tcmmap.com.cn/neimenggu/ewenkezuzizhiqi.html>.
13. Эньхэ-Русская национальная волость [Электронный ресурс] // Бaidu. – URL: <http://baike.baidu.com/view/2848703.htm>.

А. Ю. ТАМАРОВИЧ

Иркутский государственный университет

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАТАЛОНИИ И СИБИРСКОГО РЕГИОНА)

Современный мир часто характеризуется как глобализированный. Глобализация же обычно обозначается как процесс сращения политических, экономических, социальных и культурных сфер разных государств через их взаимопроникновение и установление взаимозависимости в общем организме мировой жизни, где существует разделение функций ради единства его функционирования [1, с. 106]. Данное видение предполагает появление мира, в котором повсеместно будет распространена общая идентичность, с возможностью региональных разновидностей. Такая глобализированная идентичность, очевидно, воспринимается как универсальная и наиболее приемлемая для всего мира,

ее возникновение, как считается, гармонизирует и стабилизирует все сферы человеческих взаимоотношений.

Глобализация проявляется, прежде всего, в сфере экономики. Международное разделение труда связало весь мир в витиеватые производственные цепочки, сплотив между собой участников производственного процесса. Это позволило найти свою нишу и двинуться по пути энергичного развития многим развивающимся странам, к примеру, так называемым «азиатским тиграм», КНР и другим. Однако частью такой производственной цепочки может быть не вся страна, а только отдельные её регионы, соответствующие определённым требованиям. Как раз тут и проявляется еще одна отличительная особенность глобализации – внутри страны появляются «супер-регионы», которые вполне могут существовать и без государства, частями которого они являются. Это обстоятельство логично вызывает смешанные чувства у населения таких регионов. Однако чаще всего эти чувства выкристаллизовываются в требования оформления особого статуса для подобной успешно встроенной в глобализованную экономику территории, ее большей самостоятельности, вплоть до автономизации или полного отделения. Подобные лозунги обычно подкрепляются его экономическим развитием и его значимой ролью для всей страны.

Это явление можно охарактеризовать как признак процесса, идущего в связке с глобализацией – глокализации. Глокализация – это слово оксюморон, обозначающий несовместимые по идее процессы, но этот антагонизм как раз и характеризует всю суть явления – двуаспектность процесса глобализации, соотношение и взаимопроникновение глобального и локального [2, с. 162–163], когда вместо ожидаемого исчезновения региональных отличий происходит их сохранение и усиление. Вместо слияния и унификации происходят противоположные вещи: рост сепаратизма, обострение интереса к локальным отличиям, возрождение диалектов [5]. Также этот процесс может быть дополнительно охарактеризован как процесс, объединяющий тенденции глобализации и локализации (регионализации), основанный, прежде всего на перераспределении привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости [1, с. 110]. В рамках данной статьи будут рассмотрены только микро-региональные аспекты глокализации.

Наиболее ярким примером проявления глокализации можно назвать регион Испании – Каталонию. Каталония – исторически сложившийся регион и автономное сообщество на северо-востоке Пиренейского полуострова с населением 7,5 млн человек (16 % населения Испании). История Каталонии насчитывает более десяти веков, которая знала периоды независимости. Сейчас же этот регион является административной единицей Испании с элементами самоуправления.

Данный регион, уже имея некоторый потенциал, вовремя сумел грамотно встроиться в мировую экономику, реализовать этот потенциал и благодаря этому глубоко продвинуться в своём развитии, далеко превзойдя все другие регионы Испании. Успешное развитие экономики региона, ставшего крупнейшей в стране, позволило местной элите говорить о необходимости ещё большей автономизации Каталонии. В первую очередь эти разговоры включали требования экономического обособления и передачи ведения местных финансовых вопросов в юрисдикцию непосредственно самих региональных властей, так как регион фактически дотирует другие части страны. В сложившейся ситуации, а также в свете нарастающей рецессии в ЕС, особо тяжело переживаемой в Испании, для обоснования претензий региона на авансцену вышел ранее угасший каталонский сепаратизм, теперь уже с требованиями полной независимости [3, с. 121]. В данном случае, возрождение национализма можно характеризовать как следствие возросшей значимости региона для мировой экономики, а сами националистические лозунги – как инструмент, используемый элитами для осуществления своих политических целей [4].

Некоторые сходства с каталонским случаем можно проследить и в России. Сам автор, например, видит такие параллели в так называемом «сибирском сепаратизме». Данное движение проявляется в выдвигании требований предоставления некоторой автономии региона (т. е. всех территориальных единиц Сибири) по отношению к федеральному центру ввиду того, что Сибирь обладает большим количеством добываемых природных ресурсов, которые приносят весомую прибыль, но в результате перераспределения в пользу центра сама становится дотационным регионом. Сам же продвигаемый среди населения конструкт «сибиряка» становится лишь средством выстраивания образа Сибири как сложившегося региона (именно региона, а не раздель-

ных территориальных единиц) со своими характерными чертами, которые должны быть признаны на федеральном уровне посредством изменения статуса административных единиц Сибири в составе РФ. В первую очередь, базис сибирского сепаратизма – экономика, остальные же продвигаемые культурные и лингвистические различия могут рассматриваться лишь в качестве идеологической надстройки для обоснования политических требований региона.

Подводя итог, отметим следующее: сам факт процесса глобализации мира очевиден и он всё четче проявляет себя в жизни, как государств, так и обычного обывателя. Данный процесс несёт в себе много положительных элементов и возможностей, но вместе с этим различные угрозы и вызовы. Один из этих вызовов – глокализация. Проявления этого автор видит в случае Каталонии и Сибири. В мире можно найти множество случаев, подобных рассмотренным, и потенциал подобного типа сепаратизма лишь растёт.

Литература

1. Елин Д. В. Глобальное и локальное в контексте современности. Локализация и глокализация // Ист. и соц.-образоват. мысль. – 2010. – № 4. – С. 106–111.
 2. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб., 2002. – 224 с.
 3. Пузырев К. С. Проблемы типологизации и оценки потенциала различных типов регионального сепаратизма в странах Западной Европы // Вестн. КемГУ. – 2011. – № 4 (48). – С. 120–124.
 4. Халитов Б. Н. Регионы Европейского Союза в процессе интеграции: Каталония [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. – URL: <http://elibrary.ru/download/92107369.htm>.
- Кожевников Н. Н. Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты // Вестн. ЯГУ. – 2005. – № 3. – С. 111.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Миграционные процессы представляют собой неотъемлемую часть современной глобализации, вовлекая в свой оборот миллионы людей и перекраивая этнополитическую карту мира. Проблема миграции становится всё более актуальной во всём мире, так как затрагивает интересы практически всех государств. Наиболее обсуждаемыми являются проблемы миграции африканского населения в страны Европы. Подобные проблемы актуальны в настоящее время и для Российской Федерации. После распада СССР миграционные проблемы возникли и продолжают обостряться на территории бывших союзных республик.

Ситуация с мигрантами, сложившаяся в настоящее время во Франции заслуживает пристального рассмотрения. Поток мигрантов, хлынувший во Францию с начала 90-х гг. XX в. вплоть до сегодняшних дней не уменьшается, что создает значительные проблемы для французского правительства.

Рассматривая случай Франции, необходимо отметить, что это одна из самых развитых европейских стран, к тому же обладающая развитой колониальной системой, сравнимой с британской или испанской. Колониальное прошлое, однако, отнюдь не исчезло бесследно. В Мировом океане разбросаны острова, принадлежащие Франции, во многих странах Африки и некоторых государствах Америки французский язык является одним из официальных.

К французским колониям ранее принадлежали такие независимые на сегодняшний день государства, как Сирия, Ливан, часть Канады (Квебек), Алжир, Тунис, Марокко. Подавляющее число иммигрантов во Франции составляют лица, прибывшие из вышеперечисленных стран. В этническом же составе иммигрантов в России преобладают из граждан, выходцев из бывших советских республик.

Несмотря на всю разность двух упомянутых стран, их объединяет ряд сходств в миграционной политике.

Один из ключевых принципов иммиграционной политики – соби́рание нации в виде возвращения соотечественников в стра-

ну этнического самоопределения. Как правило, оно принимает форму «этнической» репатриации в бывшую метрополию [1]. В обеих рассматриваемых странах существуют государственные программы по созданию условий и стимулов для переселения на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом. Для России таким документом является Концепция государственной миграционной политики до 2025 г.

Обе страны стремятся привлекать на работу и ПМЖ (постоянное место жительства) высококвалифицированных работников в различных сферах деятельности. В России приоритетными являются специалисты дефицитных профессий, таких как: специалисты по стратегическому планированию банковской деятельности, менеджеры по развитию бизнеса в горнодобывающей промышленности и др. Одновременно с этим в Россию иммигрируют неквалифицированные специалисты для выполнения низкооплачиваемой работы. Во Франции существует нехватка специалистов в таких областях, как строительство, общественные работы, машиностроение, гостиничное и ресторанное дело, работа в больницах. Подобные меры предпринимаются для повышения экономического и человеческого потенциала страны, а для России это также способ повысить демографические показатели, так как демографическая тенденция в РФ негативная.

В обеих странах существуют рычаги принуждения иммигрантов к интеграции. Так, во Франции въезжающие в страну иммигранты должны подписывать контракт об уважении французского образа жизни (контракт о приеме и интеграции). Также такому человеку нужно сдать экзамен на знание французского языка для получения гражданства. В России с 2013 г. стал обязательным экзамен по русскому языку для иммигрантов [5]. Такая мера прописана в Концепции государственной миграционной политики и в указах Президента РФ.

Стоит отметить, что оба рассматриваемые государства имеют членство в надгосударственных образованиях. Для России таким образованием является СНГ (содружество независимых государств) и ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество), а для Франции это Европейский союз. Обе страны имеют ряд многосторонних и двусторонних соглашений по проблемам иммиграции с данными интеграционными структурами. Эти соглашения затрагивают такие области миграционной политики как

помощь беженцам и вынужденным переселенцам, борьба с нелегальной миграцией и др.

Таким образом, в ходе анализа иммиграционной политики России и Франции были отмечены некоторые сходства. Возможно, что подобная схожесть обусловлена имперским прошлым данных стран.

Стоит также упомянуть, что в обеих странах существуют различные политические силы, которые негативно относятся к иммигрантам. Во Франции эти формирования имеют легальный и официальный статус, например партия Национальный фронт (Front National) – правая националистическая партия, она неоднократно участвовала в президентских выборах и получала большое количество голосов. Из самых ярких молодежных движений за «Францию для французов» можно назвать организацию *Génération Identitaire* («Поколение с национальным лицом»). В России же создание политических структур с лозунгами «Россия для русских» запрещено законом. Хотя стоит отметить, что существуют многочисленные незарегистрированные партии и общественные организации, имеющие радикальный националистический характер. Также ежегодно проводятся массовые акции национальных организаций «Русские марши», на которых провозглашаются лозунги «Вернем Россию Русским!», «Россия – Русская земля!» и т. п.

Иммиграционная политика в условиях растущих миграционных потоков становится важным направлением деятельности государства, требующим не только социально-экономического подхода, но и учитывающим политическую составляющую этой проблемы.

Литература

1. Концепция государственной иммиграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fms.gov.ru/law/868/details/53252/>.
2. Шмелева Н. В. Принципы иммиграционной политики Николая Саркози // Науч.-аналит. журн. Обозреватель – Observer. – 2011. – № 6. – С. 57–66.
3. Front National [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.frontnational.com>.
4. *Génération Identitaire* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.generation-identitaire.com>.
5. Institut national de la statistique et des études économiques [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.insee.fr/fr>.

ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА 2011–2013 ГГ.

В современной системе международных отношений, когда основным и фактически единственным театром геополитического противостояния великих держав выступают страны третьего мира, даже не слишком крупные по своим масштабам внутренние конфликты малых государств приобретают непропорционально большое значение для мировой общественности и, в частности, для взаимоотношений мировых лидеров. Многочисленные кризисы второй половины XX – начала XXI в. и их последствия для международной политической ситуации тому свидетельством. Несмотря на естественное прекращение биполярного противостояния после распада СССР, борьба за влияние в мире, особенно в регионах Северного Кавказа, Африки и Ближнего Востока, продолжалась, хотя и в несколько измененном виде. События «арабской весны», начавшейся в декабре 2010 г. и продолжающейся по сей день, могут интерпретироваться как очередной этап этой борьбы.

Гражданская война в Сирии, начавшаяся с волнений в начале 2011 г. и осенью того же года переросшая в открытый вооруженный конфликт между силами режима Башара Асада и различными группировками оппозиционеров, по продолжительности, количеству жертв (по разным оценкам, погибло 60-80 тыс. человек) и масштабу является на данный момент наиболее крупным событием «арабской весны», превзойдя конфликт и последующую интервенцию НАТО в Ливии.

Вне зависимости от причин начала этого кризиса, его значение для международной обстановки сложно переоценить. Ведь Сирия имеет непосредственное отношение к узлу противоречий на Ближнем Востоке, связанному с Израилем, палестинским вопросом, а также с Ираном и его противостоянием с США и остальным западным миром.

Дестабилизация обстановки в регионе, резко усилившаяся еще с политического кризиса в Египте и ливийской войны, усугубляется под влиянием сирийского конфликта: дальнейший рост радикальных исламистских настроений, эскалация насилия

как со стороны правительственных войск, так и оппозиционеров, насыщение региона оружием, поставляемым заинтересованными сторонами, увеличивает вероятность развязывания очередного конфликта между арабскими государствами и Израилем. Имели место инциденты на сирийско-израильской границе – обстрел территории Израиля и атака израильских ВВС на различные объекты на территории Сирии. Израиль, помимо прочего, требует ухода Б. Асада и предлагает установить определенные рамки, при выходе за которые правящий режим автоматически спровоцирует прямое вмешательство международных сил. Заявление Б. Асада о намерении атаковать Израиль в случае начала западной интервенции также не способствовало разрядке обстановки. Кроме того, сирийский конфликт является еще одним источником разногласий между Ираном, поддерживающим режим Асада, и западными странами, признавшими союз сирийских оппозиционных и революционных сил (НКСОРС) в качестве единственного легитимного представителя сирийского народа. Со стороны высших должностных лиц Ирана неоднократно звучали заявления о вине США и Израиля в развязывании конфликта.

Нельзя не отметить, что Сирия также имеет непосредственную границу с Турцией, еще одним форпостом западного мира на Ближнем Востоке. Помимо того, что Турция также требует ухода Асада от власти, отношения обостряются как естественными последствиями гражданской войны (во многом из-за наплыва сирийских беженцев в Турцию, количество которых на данный момент составляет, по разным оценкам, 250–400 тыс. человек), так и обострением курдского вопроса в связи с ослаблением контроля курдских территорий со стороны сирийского правительства. Сирийские курды (примерно 3 млн человек) имеют напряженные отношения как с войсками режима, так и с повстанцами – имели место открытые вооруженные столкновения, что, в то же время, обостряет отношения между курдами на территории Турции и турецким правительством. Отношения между Турцией и сирийским режимом являются крайне напряженными: Турция не исключает сценарий силового вмешательства в сирийский конфликт и готовится к этому – так, под предлогом того, что Сирия обладает системами ракетного огня с химическими боеголовками, на территории Турции были размещены ракетные системы НАТО «Патриот».

Таким образом, от урегулирования сирийского конфликта тем или иным путем де-факто зависит разрядка в отношениях между арабскими государствами, Турцией и Израилем. Но на пути к этому стоит множество проблем. Во-первых, это практическая неспособность как режима Асада, так и сирийских оппозиционеров к переговорам: слишком жесткая позиция Асада, с одной стороны, и столь же бескомпромиссная позиция повстанцев, выдвинувших требование ухода Асада в качестве условия начала переговоров, с другой, делают практически невозможным их самостоятельное примирение и обесценивают все попытки международного сообщества наладить переговоры.

Во-вторых, ситуацию сильно осложняет наличие в Сирии большого числа этнических, религиозных и социальных групп. Например, под общим понятием «сирийские повстанцы» помимо Свободной сирийской армии и НКСОРС понимаются еще как минимум 14 независимых радикальных суннитских группировок, в том числе «Аль-Нусра», признанная Госдепартаментом США террористической организацией. Разумеется, цели у этих организаций мало совпадают, и даже в случае, если они сообща одержат победу над режимом Асада, будущее Сирии представляется весьма туманным. Сирийцы, живущие на средиземноморском побережье вокруг порта Тартус, в основном христиане и алавиты, более зажиточные, чем жители остальной части страны, безусловно, поддерживают Асада, небезосновательно опасаясь гонений со стороны повстанцев-радикалов. Кроме них, уже упоминавшаяся община сирийских курдов и почти миллионная община друзов, проживающая в преимущественно аграрном регионе Джебель-Друз и в прошлом доставившая немало проблем сирийскому правительству, также должны быть учтены при анализе баланса сил в конфликте. Необходимо отметить, что полностью они не поддерживают ни оппозицию, ни режим Асада.

В-третьих, затянувшийся на два года конфликт демонстрирует неспособность обеих сторон добиться значительного превосходства над противником и поставить под контроль территорию страны. Это, если исключить вариант достижения компромисса путем переговоров (который пока представляется маловероятным, хотя определенный прогресс в этом деле есть), делает наиболее возможной победу одной из сторон при непосредственной помощи третьего государства или группы государств –

иначе говоря, интервенции. Как показывает опыт ливийской операции НАТО 2011 г., такой вариант развития событий позволит достичь определенного результата, однако последствия этой операции как в гуманитарном плане (фактический крах ливийской государственности), так и для самих государств-интервентов (большие материальные затраты и напряженность в отношениях между союзниками из-за нежелания многих европейских стран участвовать в непосредственных военных действиях) делают подобный исход менее вероятным. Кроме того, с начала кризиса Россия и Китай с помощью права вето блокируют в Совете Безопасности ООН все варианты резолюций, допускающих прямое вмешательство в сирийский конфликт. Тем не менее, США и Евросоюз предпринимают шаги для обеспечения поддержки повстанцам – рассматривается вопрос о снятии эмбарго на поставки оружия, их подготовки и финансирования. Худшим, хотя и маловероятным вариантом представляется повторение иракского сценария, т. е., если США с союзниками проведут интервенцию без мандата ООН, проигнорировав существующую систему легитимации вооруженных действий: это вполне может привести к утрате Советом Безопасности какого-либо реального влияния, что фактически приведет к разрушению существующей системы международных отношений.

Таким образом, урегулирование конфликта в данный момент осложняется множеством внешних и внутренних факторов. Сейчас можно сказать только, что, вне зависимости от того, какая сторона и каким образом одержит верх, исход конфликта серьезно повлияет и на региональный, и на мировой баланс сил.

Секция «ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ»

А. В. НЕУСТРОЕВА

Иркутский государственный университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООНИМИЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Запад издавна противопоставлялся Востоку: особенные, кажущиеся непересекающимися культуры, разная история, государственные системы и, как следствие, абсолютно непохожая структура языка. Так, специфической особенностью для многих восточных языков (например, японского) является иероглифика, выполняющая важнейшую роль. Иероглифы в современном японском языке используются в большинстве своем для записи основ слов в существительных, прилагательных и глаголах, упрощая письменную речь.

Очевидно, что культурные различия, различия в мировоззрении, менталитете и структуре языка отразились в народном фольклоре, частью которого и являются фразеологические обороты. В своей работе я планирую рассмотреть некоторые фразеологические обороты русского, английского и японского языков с целью выявить сходства и различия в менталитете рассматриваемых народов путем сравнительного анализа идиоматических выражений.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- дать определение понятиям «фразеологизм» и «зооним»;
- исследовать особенности механизмов перевода фразеологических единиц с зоонимами;
- на примере истории возникновения нескольких фразеологизмов проследить различия в мировосприятии вышеупомянутых народов.

Фразеологизм, согласно «Современному словарю иностранных слов», – это свойственное только данному языку устойчивое словосочетание с самостоятельным значением, которое в целом

отличается от простой суммы значений его частей. В работе я рассматривала фразеологизмы только с зоонимами. Зооним (от греч. ζῷον – животное и ὄνομα – имя, название) – это либо имя собственное (кличка) животного (например, Мухтар, Мурка), либо имя нарицательное, обозначающее животное (например, собака, кошка).

С переводческой точки зрения японские фразеологические единицы делятся на две группы:

1) фразеологические единицы, имеющие эквиваленты в русском языке;

2) безэквивалентные фразеологические единицы.

Основными способами перевода фразеологических единиц выступают

– подбор фразеологического эквивалента в русском языке (например, японскому фразеологизму «**うま の みみ に ねんぶつ**» (ума но мими нинэнбутсу) «молитва в ухо лошади» соответствует русский «метать бисер перед свиньями» и английский «don't throw your pearls before swine»)

– описательный перевод (перевод фразеологизма при помощи свободного сочетания слов).

Многие японские фразеологические единицы не имеют эквивалентов в русском и английском языках. Это в первую очередь относится к фразеологизмам, обозначающим несуществующие в этих странах реалии. При переводе подобных фразеологизмов используются калькирование и описательный перевод. Чаще всего наибольший интерес представляют собой японские фразеологические обороты, не имеющие прямого эквивалента в русском и английском языках. Здесь следует обратить внимание на историю возникновения данных идиом, ведь в ней отражается восприятие тем или иным народом окружающего мира. Так, животноводство в Стране восходящего солнца было слабо развито, поэтому мало фразеологизмов, где упоминаются козы, овцы и свиньи. Так различия условий жизни разных народов нашли своё отражение в языке, а, следовательно, в идиомах.

Рассмотрим историю происхождения двух фразеологических единиц.

1. Как кошка с собакой – To live a cat and dog life – 犬猿の仲 (как собака с обезьяной).

Значение данного выражения знакомо нам всем с детства: стоит только двум людям невзлюбить друг друга по каким-то причинам, как о них тут же говорят: «Да они как кошка с собакой!». И если в английской и русской версиях идиомы животные совпадают, то японская отличается. В чем причина этого различия? В первую очередь стоит отметить, что обезьяны как в России, так и в Великобритании не особо распространены: они не встречаются ни в природе, ни в сказках, ни в легендах. В Японии, несмотря на то, что сейчас там обитает множество кошачьих пород, в древности и в средние века кошки были редкостью, завозились с материка специально, стоили дорого и считались предметом роскоши. Их держали в домах, а собак на улице, т. е. между собой они почти не встречались. В отличие от кошек, обезьян можно было увидеть в Стране восходящего солнца повсеместно. Обезьяны – дикие животные, они наносят вред полям и урожаю, отчего в фольклоре их, как правило, относят к числу недружественных человеку животных. Также стоит отметить, что в японском иероглифе «кошка» присутствует элемент «собака», видно, что без собаки здесь никак не обойтись, поэтому она и вездесуща во многих «животных» иероглифах. Собака – животное, которое гоняет и кошек, и обезьян, и барсуков, и лис, и кабанов, и так далее, и от этого, может быть, она выступает как неперенный атрибут в описании всех этих животных и является элементом этого фразеологизма?

В основе же русского и английского выражений, по одной из версий, лежит легенда о том, что вражда между кошкой и собакой зародилась из-за съеденного мышами договора о распределении обязанностей между собакой и кошкой.

2. Закадычные друзья – Thick as thieves (неразлучные, как воры) – 同じ穴のむじな (барсуки из одной норы)

Если говорить о происхождении русского эквивалента «закадычные друзья», то стоит вспомнить старинное выражение «залить за кадык», которое означало «напиться», «выпить спиртного». Отсюда образовался фразеологизм «закадычный друг», который сегодня употребляется для обозначения очень близкого друга [1]. Английское выражение, вероятно, пошло от идеи о том, что все криминальные авторитеты связаны друг с другом очень тесно, и эти связи сложно нарушить. В вышеупомянутых фразеологизмах не фигурируют животные, однако в их японском экви-

валенте упоминается барсук. Считается, что барсук (в данном случае подразумевается «тануки», енотовидная собака) способен принимать человеческое обличие и в таком виде приходить ночью в людские поселения, пить там sake, наслаждаться обществом девушек, расплачиваясь за удовольствие деньгами, которые с наступлением рассвета превращаются в листья. То есть в японской мифологии эти животные могут вести себя и проводить время как друзья. Таким образом, становится очевидным, что появление во фразеологических оборотах того или иного животного зачастую обосновывается связью этого животного с легендами, сказаниями и народным фольклором.

Идиоматические выражения создавались народом, поэтому они связаны с интересами и повседневными заботами простых людей, а животный мир всегда играл важную роль в жизни человека. Когда-то раньше эти сравнения не носили образно-переносное значение, а вполне конкретное. А затем, по различным стечениям обстоятельств, они приобрели иное, идиоматическое значение. История почти каждой идиомы представляет собой интересную, увлекательную, но длинную историю.

Особенности условий жизни, традиций, привычек и сказаний можно проследить через язык народа.

Проведённое исследование позволило описать весьма значимый для человека фрагмент языковой картины мира, связанный с животными, играющими немаловажную роль в повседневной жизни.

Литература

1. Ковалева Н. А. Учебный фразеологический словарь русского языка / Н. А. Ковалева, А. Н. Тихонов. – М. : Изд-во АСТ, 2001.

Секция «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Е. В. РОХЛИНА

Алтайский государственный университет

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Современная эпоха характеризуется ростом влияния общественного, в том числе, политического сознания на социальные процессы и явления. Это обусловлено качественными изменениями сути самой политической системы мира XXI в. На рубеже XX–XXI вв. произошли глубокие качественные сдвиги в России: реформационные процессы затронули все сферы российского общества, изменили мироощущения, политические представления, социально-экономические основания и образ жизни миллионов людей. Все это не могло не отразиться и на политическом сознании ее граждан, что делает исследование темы политического сознания остро актуальным. Анализируя значимость политического сознания в современном обществе, О. В. Михайлова верно подчеркивает, что «политическое сознание является одной из ключевых категорий политологии» [8, с. 174].

В общем смысле политическое сознание – это совокупность всех существующих в данную эпоху теоретических и стихийно возникающих у людей политических представлений и установок. Политическое сознание – это идеи субъектов политики об использовании ресурсов сообщества для её безопасного развития.

Политическое сознание постоянно трансформируется, и важно видеть основные тенденции этой трансформации. А. И. Неклесса справедливо увидел нарастающую секулярность, которая «рассекает целостность бытия на отдельные пространства» [9, с. 71]. Кризис секулярного мира он видит как «отражение транзитного кризиса христианской цивилизации» [9, с. 72]. Политолог приходит к выводу, что этот секулярный кризис «приведет к Большому социальному взрыву» [9, с. 78].

Кризис политического сознания привел к росту политической маргинальности. А. М. Вафин указывает на то, что политические маргиналы любят навешивать ярлыки на оппонентов для усиления своей привлекательности, а «ярлыки предполагают постоянные оговорки, попытки пересмотреть прошлое и настоящее» [3, с. 142].

Многие политологи подчеркивают сложность и уникальность кризиса политического сознания россиян. Уникальность России, по мнению А. С. Ахиезера, состоит в «глубоко укоренившемся расколе, в разительном несоответствии господства инверсионного мышления и сложности проблемы большого общества» [1, с. 62]. Сложность кризиса политического сознания в России обусловлена переходным состоянием нашего общества. В сфере политического сознания кризис переходного этапа проявляется прежде всего в отсутствии национальной идеи. В соответствии со ст. 13 Конституции РФ «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [7, с. 7]. Это означает, что в общественное сознание не должны насильно внедряться какие-либо догмы, принятые в качестве «единственно верных и правильных» на все времена. Но ошибкой было бы считать, что для современной России вообще не нужна никакая идеология.

В настоящее время на состояние политического сознания российского социума наибольшее влияние оказывает внутригосударственный интеграционный процесс. Он связан с постепенным преодолением регионального сепаратизма. Факт преобладания центристских тенденций над центробежными в настоящее время очевиден.

Политическое сознание во многом зависит от экономического. Характеризуя экономическое сознание россиян, следует особо отметить влияние на него региональных условий. Разница в уровне жизни населения по линии «центр- периферия» зачастую является многократной.

Обстоятельно проанализировав специфику российского политического сознания, Г. Дилигенский указывает на «заторможенную дифференциацию» в российском политическом сознании [6, с. 65]. При верности государственному патернализму россияне ценят те свободы, которые они получили с либерализаци-

ей. То есть, наблюдается конфликт государственного патернализма с нормативным индивидуализмом.

Демократия играет в российском обществе роль «конвенционального общественного идеала» [6, с. 40]. Конвенциональность демократического идеала не исключает его ценностно-рациональной и аффективной мотивации.

Группа ученых, проводивших исследование в направлении различий политического сознания элиты и масс, считают, что существуют «различия в представлениях о России в сознании политической элиты и масс... Происходит полное размежевание образа страны и государства. Если первый имеет ярко выраженную позитивную окраску, то второй вбирает в себя все негативные черты» [10, с. 119].

Снижение в сознании россиян авторитета власти, государства ведет к снижению политической активности граждан. Наблюдается «негативизм в отношении к выборам, который проявляется не в безразличии, а скорее в пассивности...» [2, с. 67]. Наблюдается рост индикаторов социальной тревоги.

Важно видеть взаимосвязь политического и правового сознания россиян. М. И. Трофимов справедливо указывает на то, что «существенное влияние на состояние общественного сознания оказывает повсеместное систематическое нарушение законов» [12, с. 326].

И все же в последние годы наблюдается у значительной части населения существенные позитивные изменения в политическом сознании, что является потенциальной предпосылкой для консолидации российского общества на основе социальной справедливости, укрепления правопорядка и государственности.

Каковы же перспективы оздоровления и актуализации политического сознания россиян? К. Гаджиев справедливо подчеркивает, что «главная проблема России – найти пути достижения органического сочетания рыночной экономики, политической демократии, правового государства и исторических традиций российского государства» [4, с. 38]. Слишком велик груз традиционности в сознании постсоветского человека. Но именно государство в России может быть главным двигателем перемен, даже тогда, когда «предстоит преодолевать традиционный для нее тип государства и характер его взаимоотношений с обществом» [11, с. 39].

Литература

1. Ахиезер А. С. Социокультурная динамика России // Полис. – 1991. – № 5. – С. 51–64.
2. Бойков В. Э. Конституция, власть и народ. Россия 1990 г.– начала XXI в. // Соц. исслед. – 2009. – № 1. – С. 62–67.
3. Вафин А. М. Политическая маргинальность: теоретический и практический аспекты // Полит. исслед. – 2011. – № 4. – С. 142.
4. Гаджиев К. С. Размышления о политической культуре современной России // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1996. – № 2. – С. 26–39.
5. Дилигенский Г. Дифференциация или фрагментация? (о политическом сознании в России) // Мир. экономика и междунар. отношения. – 1999. – № 9.
6. Дилигенский Г. Дифференциация или фрагментация? (о политическом сознании в России) // Мир. экономика и междунар. отношения. – 1999. – № 10.
7. Конституция Российской Федерации. – М. : Маркетинг, 2001. – 39 с.
8. Михайлова О. В. Политическое сознание граждан на постсоветском пространстве: опыт социологического исследования // Полития. – 2003. – № 2. – С. 174–188.
9. Неклесса А. И. Будущее и грядущее: кризис современного мира // Полит. исслед. – 2012. – № 2.
10. Пищева Т. Н. Образ России под углом зрения политических коммуникаций / Т. Н. Пищева, Н. С. Виноградова, А. Д. Недова // Полит. исслед. – 2010. – № 4. – С. 107–121.
11. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа : сб. учеб. материалов / ред. Е. Ю. Мелешкина. – М. : Вагриус, 2008.
12. Трофимов М. И. Социальная стабильность или политическая апатия? // Соц.-гуманит. знания. – 2005. – № 6. – С. 321–329.

А. В. СОКОЛОВ, И. С. МАКЛАШИН

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДА ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ*

Одной из тенденций развития современного российского общества является рост гражданской активности. Это связано с нерешённостью ряда социальных проблем и готовностью отдельных категорий населения участвовать в их решении. Эти факторы способствуют повышению интенсивности деятельности общественных объединений в стране. Такие движения формируются в сфере защиты прав человека, политического протеста, экологической деятельности и других. Одной из особенностей организаций граждан является всё большее использование сете-

* Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2972.2013.6.

вого принципа в их построении. Кроме того, сегодня появляются возможности включения активистов в общественную деятельность без значительных затрат ресурсов. Прежде всего, такие возможности предоставляет сеть Интернет. Широкое распространение, удобство и относительная доступность и оперативность обмена информацией являются факторами появления активности именно в сети Интернет.

Как показывает опыт последних нескольких лет, приложения сети Интернет предоставляют гражданам хорошие возможности для расширения своего непосредственного участия в общественных процессах. Примерами являются онлайн-доступ к процессам принятия решений, онлайн-консультации по актуальным проблемам, онлайн-изложение мнений, взглядов и разногласий и т. д. Кроме того, массовые и доступные коммуникации между людьми, сообществами, партиями и другими элементами общества являются чрезвычайно важными для процессов формирования различных коалиций и блоков между объединениями [4].

На современном этапе, в эпоху глобализации и информационных технологий, гражданское общество не может быть сведено лишь к совокупности организаций. Благодаря сети Интернет политические процессы и управление приобрели новое содержание, которое обусловило появление новых субъектов гражданского общества – сетевых сообществ [2].

Сегодня самыми популярными инструментами таких коммуникаций в Интернете являются социальные сети. Наибольшая активность интернет-активистов происходит именно в социальных сетях, которые предоставляют значительные возможности коммуникации, передачи информации, поиска ресурсов.

Благодаря программным сервисам у членов сетевых сообществ появилась возможность использовать инструменты оперативного поиска нужных контактов и быстрого установления связей между людьми для совместных гражданских акций и общественной деятельности, тем самым сетевые сообщества реализуют функцию самоорганизации. Сетевые сообщества в какой-то степени конкурируют со специализированными некоммерческими организациями, организуя самостоятельную сетевую волонтерскую активность граждан. В сети даже появился термин *digital volunteers* (буквально: цифровые волонтеры), обозначающий лю-

дей, которые физически могут и не быть на месте событий, но они находят важную информацию и распространяют её через социальные медиа [6]. Такой подход чаще всего относится к формированию движений на основе какого-то острого социального события, чрезвычайной ситуации. Особенностью подобных объединений граждан является временный характер объединения.

Нельзя не отметить, что формирующиеся в Интернете объединения часто стихийны и нестабильны. Существуют стихийно возникшие площадки относительно недолго и по указанной причине значительных изменений в политическом поле не производят. Как отмечает С. В. Бондаренко, основными барьерами развития площадок являются:

- отсутствие сплоченности организаторов общественных обсуждений и слабое понимание механизмов социальной мобилизации граждан на достижение заявленных целей;

- сложность набора критической массы единомышленников, необходимой для запуска процессов самовоспроизводства политических инициатив;

- низкий уровень реальной, а не декларируемой готовности людей вносить свою лепту в развитие территориального сообщества [3].

Таким образом, механизм формирования сообществ в современной коммуникационной ситуации видится нам следующим образом. Находящийся в информационном потоке индивид выбирает приемлемый для себя вид его потребления: пассивный (через соответствующие каналы либо согласуясь с мнением других) или активный (производя самостоятельный анализ и оценку) – и вступает в объединения людей с аналогичным видом потребления. Современные технологии и, в первую очередь, сеть Интернет облегчают этот процесс и, как отмечает М. Кастельс, «повышают шансы сетевого индивидуализма стать доминирующей формой социальности» [1].

В ситуации качественного усложнения общества и воздействия на него процесса глобализации, на первый план выступает вопрос о представительстве интересов и участии в принятии общественно значимых решений тех слоев социума, которые, испытывая на себе последствия социально-политических и экономических сдвигов, не считают свои интересы представленными в традиционных политических и общественных институтах [8].

Изменения в модели гражданского участия и формах коллективного действия являются предметом теоретических дискуссий. В частности, критике подвергаются два основных постулата теории коллективного действия М. Олсона: неучастие как рациональное поведение индивида в рамках «дилеммы безбилетника» и необходимость формальной организации для объединения участников коллективного действия [7]. М. Барнс, Б. Бимбер и ряд других авторов приходят к выводу о том, что всеобщая доступность современных средств информации и коммуникации снижает издержки и ускоряет получение выгоды от успешного коллективного действия. Это приводит к изменению логики поведения рационального индивида: потенциальный участник коллективного действия располагает большими, чем прежде, возможностями для того, чтобы сделать рациональный выбор относительно своего участия (при этом вариант «безбилетника» – лишь один из возможных). Отмечается также преобладание гибких сетевых структур как «наиболее эффективных в сложном современном социальном контексте» и по сравнению с традиционными, иерархически построенными организациями [8]. На стадии данного выбора большое значение имеет удобство современных инструментов применения гражданской активности, который имеет принципиальное значение для обеспечения массовости участия населения в общественных процессах.

Использование Интернета при построении общественных объединений является закономерным, так как значительная часть их активистов – молодёжь. Эта категория граждан больше других использует возможности Интернета и считает для себя удобной использовать её в самых разных сферах.

Кроме того, популярность социальных сетей, таких как Вконтакте, Facebook, Twitter, обуславливает поиск единомышленников и ресурсов именно в Интернете. Со временем, в результате взаимодействия постоянных пользователей трансформируется в социальную группу [5]. Поэтому, очевидно, что сетевой принцип организации гражданской активности становится все более неразрывно связан с использованием Интернета.

Несмотря на отмеченную нестабильность общественных движений, организованных в Интернете, сегодня электронное пространство становится местом появления и сосредоточения

общественных институтов, формирующих гражданское общество в России.

При изучении сущности сетевых объединений необходимо отметить наличие принципиальных сходств с построением взаимосвязей в сети Интернет. К общим принципам можно отнести равноправие участников, широкие возможности коммуникации, объединение при наличии общих интересов и целей. Поэтому использование инструментов Интернета при сетевой организации граждан является закономерным. Благодаря широкому распространению Интернета достигается относительная независимость от географического фактора, а именно удалённости элементов и наличия границ между ними. Также увеличивается скорость передачи информации, поиска ресурсов.

Таким образом, наличие гражданской активности и потенциал сетевых форм организации позволяет говорить о том, что мы можем ожидать появления новых общественных объединений, построенных по сетевому принципу. Особенностью таких организаций уже сегодня является крепкая зависимость от Интернета и, в целом, формирование в интернет-пространстве. Исходя из тезиса об общественных организациях как основе гражданского общества в нашей стране, можно заключить, что интернет оказывает непосредственное и весомое влияние на его развитие.

Литература

1. Арсланова А. И. Современная коммуникационная ситуация и принципы формирования интернет-сообществ // Вестн. Башкир. ун-та. – 2011. – Т. 16, № 2.
2. Белянцев А. Е. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества / А. Е. Белянцев, А. В. Лымар // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1).
3. Бондаренко С. В. Особенности создания и функционирования публичных площадок «электронной демократии» // ПОЛИС. – 2011. – № 5.
4. Бондаренко С. В. Социальные технологии «электронной демократии» (попытка верификации конструкта) // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития : материалы секции «Политическая коммуникация» Третьего всерос. конгр. политологов. 28–29 апр. 2003 г. – М., 2003.
5. Маковеева В. В. Сетевое взаимодействие – ключевой фактор развития интеграции образования, науки и бизнеса // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 354.
6. Морозова Е. В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко // Полит. исслед. – 2011. – № 1.
7. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон. – М., 1995.

8. Доверие, гражданское действие, политика: опыт старых и новых демократий / С. В. Патрушев, С. Т. Айвазова, Т. Д. Кертман, К. М. Клеман, Л. Я. Машезерская, О. А. Мирясова, Т. В. Павлова, А. Д. Хлопин, Т. А. Цысин // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – Вып.7. – М., 2008.

А. В. СОЛОВЬЕВА

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ДВИЖЕНИЙ*

Из-за отсутствия публичного диалога между обществом и государством, низкой самоорганизации граждан в России, трудно сказать, каков уровень развития российского общества как гражданского. Тем не менее, существует определенный потенциал, в виде инициативных граждан, которые способны решать общественно значимые проблемы самостоятельно. Объединения, основанные на самоуправлении, добровольном характере участия для осуществления поставленной цели, разрастаются, образуя сети движения. Главным ресурсом таких организаций являются граждане, мотивированные своими идеями и готовые принимать активное участие в жизни общества.

Сетевая структура общественных объединений становится все более популярной для организации гражданской активности. Использование такой организации деятельности активистов на практике доказывает работоспособность в долгосрочной перспективе и эффективность в достижении целей.

Сегодня почти во всех регионах нашей страны ведут активную деятельность общественные организации, развивающие добровольческие программы и нуждающиеся в поддержке единомышленников. Однако деятельность движений далеко не всегда становится успешной в достижении своих целей. Причинами могут быть недостаточная оценка общей ситуации, неверная оценка источников и механизмов получения ресурсов и т. д.

Для развития сетевых гражданских движений важен анализ на микроуровне. Ключевой проблемой его являются мотивы и способы вовлечения в движение индивидов. Здесь одинаково

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта № 6.7594.2013.

значимы структурные (участие знакомых, единомышленников в движении), социально-психологические и культурные предпосылки и, прежде всего, идентификация себя с целями и смыслом движения [1, с. 4].

Необходимо учитывать интересы добровольцев, руководителей движения, а также структуру объединения и социально-политическую обстановку в обществе. Для привлечения добровольцев к участию в различных формах гражданской активности следует изучить мотивацию социальной базы движения.

Был проведен опрос участников различных сетевых общественных объединений города Ярославля. Эксперты оценивали основные принципы сетевых движений, такие как: использование личных контактов между участниками организации; формирование совместного; взаимообмен личными ресурсами; доверие участников друг к другу; наличие интереса к деятельности объединения; открытость объединения для участия; добровольный характер участия в объединении.

Главным принципом, который определяет социальную базу и степень вовлеченности масс в движение, стал интерес к деятельности объединения. Он отражает сущность сетевой общественной организации, в которой все основано на идее реализации поставленной цели. Соотнесение личных установок со смыслом движения подразумевает мотивацию причастности к общему делу, желанию созидать. С ростом статуса объединения растет и количество потенциальных активистов, которые включатся в процесс с целью удовлетворения личных потребностей.

Интерес к деятельности общественной организации влияет на внутреннюю атмосферу коллектива, доверие между участниками, взаимообмен личными ресурсами, добровольный характер вступления, на открытость внешних связей. Таким образом, внутреннее желание, побуждающее действовать в рамках определенного движения, способно влиять на все принципы сетевого образования, определяя его дальнейший успех.

Открытость, развитие системы внешних связей выносятся экспертами на второй план. Реализация этого принципа в разных организациях осуществляется по-разному. По результатам опроса, система внешних связей и степень открытости для новых добровольцев не находится на желаемом уровне. Не все сетевые об-

щественные организации смогли на данный момент сформировать, наладить работу данного принципа.

Принцип добровольного участия является основополагающим, и от него также зависят интерес к добровольческой деятельности и желание включать личные ресурсы для решения поставленных задач. Он раскрывает смысл социально-политических движений, мобилизуя равнодушных граждан. От принципа добровольного участия также зависят интерес к деятельности и желание включать личные ресурсы для решения поставленных задач. Будучи взаимосвязанными, они влияют друг на друга. Таким образом, чтобы повысить уровень мотивации участия в общественных движениях необходимо комплексное развитие сетевой структуры организации.

От желания участников добиться цели, удовлетворить личную потребность в самореализации зависит взаимодействие между активистами, внутренняя атмосфера коллектива, обмен личными ресурсами, и как следствие, привлекательность общественной организации для потенциальных добровольцев. При этом с ростом статуса объединения растет и количество активистов, так как они начинают включаться в процесс уже не только с альтруистическими идеями. Поэтому, большое значение имеет для мотивации вступления в организацию этап ее развития.

Следующим по важности принципом, мотивирующим к участию в сетевой организации, респонденты выделили использование прямых, личных контактов между участниками организации. Благодаря неформальному общению активистов формируется благоприятная обстановка внутри объединения, комфортное взаимодействие добровольцев и инициаторов движения.

По общим результатам опроса формирование совместного решения по интересующим вопросам и взаимообмен личными ресурсами участников играют чуть менее важную роль в деятельности организации, чем остальные.

Формирование совместного решения означает также и равноправие субъектов, наличие большей свободы действий, возможности самовыражения, проявление инициативы и творческого потенциала. Такие мотивации являются одними из ведущих, побуждающие принимать активное участие в общественной деятельности. Если в общественной организации доброволец имеет такую возможность удовлетворить свои потребности, то и коли-

чество заинтересованных в объединении, потенциальных активистов возрастет.

Ресурсная взаимозависимость заключается в выработке соглашений в процессе обмена ресурсами, имеющимися у акторов. Важно подчеркнуть, что данный принцип находится под влиянием более самостоятельных: он тесно связан с доверием между активистами и использованием прямых личных контактов между участниками объединения. Только при наличии благоприятной атмосферы неформальных связей и желании реализовать общую идею возможен вклад своих ресурсов – временных, финансовых, административных и т. д. Но так как самый важный ресурс – человеческий, то необходима мотивация и благоприятные условия, для желания вкладывать свои силы в общественную деятельность.

Одним из самых важных критериев взаимодействия участников объединения экспертами было отмечено доверие. Участники сетевых движений оценили как высокую необходимость, так и высокую реализуемость доверия добровольцев друг к другу. Это определяет мотивацию общения, новых знакомств, дружеской атмосферы, избегания одиночества. Таким образом, осуществление данного принципа организацией может стать механизмом мотивации добровольцев.

Для мотивации вступления в сетевые организации необходима активная группа людей, ядро, которое будет готово выстроить эффективную систему работы этих принципов. Вследствие этого объединение будет способно предложить большой спектр возможностей удовлетворения потребностей новых добровольцев.

Общественные организации, выстроенные по принципу сети, являются эффективными в работе в долгосрочной перспективе, когда формальные организации перестают активно функционировать и развиваться. Показав на примере опроса положительные результаты действия принципов сетевой организации на мотивации добровольчества, выделим некоторые рекомендации.

Для развития механизмов мотивации в организациях следует:

- заинтересовать добровольца идеей общественной организации, идеей стать причастным к благой идее, вкладывать свои силы в ее реализацию. А благодаря волонтеру, как наиболее ценному ресурсу, организация будет развиваться всесторонне;
- стремиться развивать те принципы, по которым выстроены сетевые организации, ввиду их эффективности;

- предоставлять свободу творчества, проявлять инициативу – возможно даже путем проведения специальных конкурсов;

- принимать всех желающих добровольцев, что сделает объединение более открытым, и позволит выявить наиболее способных активистов, которые смогут продвинуть организацию на более высокий уровень;

- общаться руководителю организации с добровольцами неформальным образом; освещать значимость проблемы, которой занимается организация, заинтересовать в ней, пробудить сочувствие, желание решить ее.

В результате исследования были выявлены и некоторые недостатки развитые принципы сетевых объединений. Поэтому были сформулированы рекомендации для развития механизмов мотивации в сетевой организации:

Следует обратить внимание на открытость объединения, как к добровольцам, так и к сотрудничающим общественным организациям. Во-первых, необходимо распространять информацию об организации; во-вторых, сделать максимально простым механизм вступления активиста в ряды движения – например, через Интернет. Искать сотрудничество с другими общественным организациям, и всячески поддерживать его. Возможно, проводить совместные мероприятия. Это повысит возможности вступления в организацию, ее статус, и как следствие мотивацию вступления активистов. Повысить взаимообмен личными ресурсами возможно при увеличении интереса к идее движения. Для этого стоит распространять информацию о проблеме и организации всеми возможными путями: СМИ, Интернет, печатные издания.

Литература

1. Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социол. исслед. – 2012. – № 6. – С. 3-12.

МЕЖВУЗОВСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

*А. И. БОБКОВ, Е. Г. УСОВ
Восточно-Сибирский институт МВД РФ*

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ

Борьба с терроризмом является одной из первостепенных задач органов, ответственных за обеспечение общественной безопасности и охрану общественного порядка, так как совершение террористического акта наносит существенный ущерб общественным отношениям и вызывает большой общественный резонанс. Однако, несмотря на это, в мире ежегодно совершаются десятки терактов, и устойчивых положительных тенденций в противодействии терроризму не наблюдается. Для России тема противодействия терроризму особенно актуальна, так как теракты для нашей страны, к сожалению, не редкость.

Терроризм – это явление социальное, резкое распространение оно получило в связи с развитием СМИ. Особенностью современного терроризма является активное использование информационно-психологического воздействия как важного элемента манипуляции сознанием и поведением людей с использованием возможностей глобальных коммуникаций. Действия террористов рассчитаны не только на нанесение материального ущерба и угрозу жизни и здоровью людей, но и на информационно-психологический шок, воздействие которого на большие массы людей создает благоприятную обстановку для достижения террористами своих целей.

Противодействие терроризму, в этой связи, на наш взгляд, должно осуществляться в двух основных плоскостях – правовой и информационной. Противодействие в правовой плоскости будет заключаться в принятии «консервативной» концепции борьбы с терроризмом, противодействие в информационной сфере включает в себя такие элементы, как непосредственное информационное противодействие террористам и информирование гражд-

дан. Противодействие терроризму ведется и на законодательном уровне. В 2006 г. был принят Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», кроме того, в УК РФ на данный момент предусмотрена уголовная ответственность за террористический акт (ст. 205 УК РФ) и за некоторые иные деяния террористической направленности (205.1, 205.2, 206 и др.). Посредством реализации данных статей УК РФ осуществляется уголовно-правовая борьба с терроризмом.

Специалисты, исследующие проблему терроризма, выделяют две возможные стратегии борьбы с терроризмом – «прогрессивную» и «консервативную». «Прогрессивная» стратегия подразумевает частичные уступки требованиям террористов – выплату выкупа, территориальные и моральные уступки (например, признание ценностей, поддерживаемых террористами, признание лидеров террористов равноправными партнёрами по переговорам и т. д.). «Консервативная» стратегия означает безоговорочное уничтожение террористов и их сторонников, а также поощрение лиц, идущих на сотрудничество с «демократическими» государствами в их борьбе с террором, отказ от каких бы то ни было переговоров с террористами, отказ от заключения перемирий [2].

Как отмечает коллектив авторов доклада «Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом» из Института экономики переходного периода, консервативный путь противодействия терроризму намного эффективнее, однако прогрессивная стратегия в наши дни встречается также нередко. Это связано с целым рядом причин, которые носят политический характер. Авторы доклада отмечают: «На основании изменения динамики количества жертв в соответствии с эволюцией взглядов прессы, общества и правительства на проблему террора можно прийти к однозначному выводу – только консервативный подход, т. е. применение жестких силовых акций против террористических организаций, является в долгосрочной перспективе эффективным средством борьбы с террором» [2]. В этом свете следование «прогрессивной» стратегии можно назвать содействием терроризму, так как известно, что «воров рождают открытые двери». Преимущества «консервативного» подхода очевидны. Если террористы будут знать, что на уступки им никто не пойдет, что их требования точно не будут выполнены, то количество террористических актов значительно сократится. Ведь, как говорилось

ранее, один из признаков терроризма заключается в том, что это в первую очередь практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями. А если с помощью террористических актов воздействовать на принятие решений будет невозможно, то терроризм станет бессмысленным. Некоторые могут возразить, что этот путь негуманен. Якобы отказываясь от любых форм переговоров с террористами мы ставим под угрозу жизни людей, которые захвачены террористами, однако это необходимое зло.

Перейдем к непосредственному информационному противодействию террористам. И. Н. Панарин, долгое время занимавшийся проблемами терроризма, в своей работе «Антитеррористическая стратегия России» представил схему формирования общественного мнения следующим образом:

$$Д \Rightarrow ИС + К \Rightarrow СГ = О,$$

где Д - диктор (радио или телевидения); ИС - информационное сообщение; К - комментарий (от К1 до К5); СГ - социальная группа; О - отношение (от О1 до О5).

И. Н. Панарин пришел к выводу, что «практически комментарий является манипуляцией. К манипуляции относятся специальные действия по формированию стереотипов и созданию определенного впечатления или отношения к тому или иному факту, событию» [1, с. 94].

Таким образом, по большому счету отношение общества к теракту формируют именно СМИ. В таком случае возникает задача, как для государственных структур, так и для СМИ осмыслить динамику этих позиций и разработать варианты информационной политики, служащие общегражданским и государственным интересам, И. Н. Панарин предлагает следующие меры:

- власть в ходе антитеррористических операций должна уметь управлять информационными потоками, наладив конструктивное сотрудничество со СМИ в стремлении ограничить ущерб, наносимый террористами обществу;

- свобода творчества журналиста в ходе теракта должна быть ограничена;

- серьезной проблемой является другой символический аспект терроризма - воздействие показа СМИ актов насилия на потенциальных террористов;

- СМИ не должны «давать трибуну» террористам ни при каких условиях;

- СМИ не должны содействовать террористам в получении оперативной информации;

- недопустимость двойных информационных стандартов;

Что касается информирования граждан, то оно должно иметь своей целью убеждение граждан в том, что терроризм это не «угроза безопасности № 1», а отрицательное социальное явление. Бояться его бессмысленно – от него никто не застрахован, но вероятность стать жертвой террористов при этом намного меньше чем, например, попасть в ДТП. Кроме того, каждый человек должен владеть информацией о том, как себя вести в случае захвата в заложники, как распознать взрывное устройство, как и в каких случаях нужно связываться с компетентными органами. Причем первоначальные знания основ личной безопасности на наш взгляд необходимо приобретать еще со школьной скамьи, так как дети также часто становятся жертвами террористов.

Если претворить в жизнь разработки наших отечественных ученых по противодействию терроризму, то данную проблему можно решить. Безусловно, для решения данного вопроса необходима сильная политическая воля, так как принятие консервативной концепции может вызвать резонанс в «демократических» странах, однако, на наш взгляд, это необходимое зло.

Литература

1. Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом /К. Э. Яновский [и др.]. – М. : ИЭПП, 2005. – 102 с. – (Научные труды ; № 82).

2. Панарин И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны /И. Н. Панарин. – М. : Поколение, 2012. – 336 с.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВ ТЕРРОРИЗМА

Такая прикладная отрасль психологии, как психология экстремальных ситуаций, на сегодняшний день, несомненно, может быть названа актуальной, поскольку современный мир неумолимо идет вперед, и в век научно-технического прогресса человечество хоть и может похвастаться передовыми технологиями, глобальными научными исследованиями, однако (с тенденцией, к сожалению, в первую очередь) оно не может гордиться тем, что является по сути реальными последствиями всего вышеуказанного – тем, что на сегодня недостаточно разработана система предупреждения возникновения тех ситуаций, в которые неизбежно попадают люди, желая получить тот или иной результат, а также система реабилитации пострадавших.

Эти ситуации (и соответственно условия) названы экстремальными, чрезвычайными. Экстремальный (от лат. *extremum* – «крайний») – крайний, предельный, выходящий за рамки обычного, чрезвычайный. Экстремальной ситуацией признается любая ситуация, которая выходит за рамки обычного человеческого существования и, как результат, вызывает дискомфорт в жизни человека и зачастую непоправимые последствия. Землетрясения, взрывы бомб, авиакатастрофы, захват заложников террористами – все эти экстремальные ситуации, в силу неумолимого развития технологий и самого человечества, происходят все чаще и чаще.

Одним из наиболее важных, но наименее изученных разделов психологии экстремальных ситуаций нам представляется психология терроризма. Во-первых, как было обозначено И. Г. Малкиной-Пых и Н. Г. Осуховой, одними из ведущих исследователей в области психологии катастроф (понятие, которое подразумевает происшествие, возникшее в результате природной или техногенной чрезвычайной ситуации и повлекшее за собой гибель людей или какие-либо непоправимые последствия в истории того или иного объекта), более тяжкие последствия характерны не для стихийных бедствий, а для катастроф, причиной травматизации людей в которых выступает сам человек (изнасилование, терроризм, убийство и т. д.). Во-вторых, на наш взгляд, содействие спасательным и реабилитационным мероприятиям со стороны психологии эффективны в большей степени, так как

методы именно психологического воздействия могут иметь успех в разрешении ситуаций и устранении их последствий; и, наконец, в-третьих, если рассматривать терроризм в самом широком смысле (политика, основанная на систематическом применении террора), то, по большому счету, все экстремальные ситуации, причиной травматизации людей в которых выступает сам человек, являются террористическими (синонимами слова «террор» (от лат. *terror* – «страх», «ужас») являются слова «насилие», «запугивание», «устрашение»).

Уже в рамках психологии терроризма наиболее важным для исследования направлением, согласно нашему мнению, является изучение и коррекция поведения потенциальных заложников, поскольку именно от рациональности и оправданности поведения человека, находящегося в подобной ситуации, зависит его (и людей, находящихся рядом) жизнь.

На сегодняшний день предложены типологии поведения и реакций заложников террористов, однако эти данные могут быть лишь относительными, ведь основанием этих классификаций выступает информация, полученная от жертв, в объективности которых, в силу сложившихся в жизни этого человека обстоятельств, можно усомниться. Информация, полученная от человека, побывавшего в заложниках, спустя небольшое количество времени (до четырех недель) лишена объективности в силу того, что преобладающими состояниями такого человека в этот период являются эмоциональные и поведенческие расстройства наряду с нарушением когнитивных функций: человек раздражителен, гневлив, напряжен и при этом отмечают в клинике расстройства памяти, снижение концентрации внимания, изменения в ощущениях и пр. Если же информация получена от жертвы терроризма спустя месяц и более после происшествия, уровень ее объективности не становится выше, поскольку симптомами ПТСР (посттравматического стрессового расстройства) становятся «симптомы избегания», для человека в этот период характерно стремление избежать все, что может так или иначе напомнить ему о трагичном происшествии, зачастую человек бессознательно прибегает к психологическим защитами, характерна даже амнезия (частичная или полная) на события травматического стресса и всего, что с ним может быть связано.

Несмотря на это, Л. А. Китаевым-Смык [4] предложена классификация поведения людей, оказавшихся в заложниках, основанием для которой послужили особенности психического со-

стояния человека. Автор выделяет группу «нетерпеливо-отчаянных» (чаще таковых не более 0,5 % от всех), однако «нетерпеливо-отчаянных» может стать больше (до 60 %), если они разожгут своей импульсивностью истероидов – людей, по характеру своему стремящихся выделиться, обратить на себя внимание окружающих, при этом необъективных по отношению к другим и к самим себе (по статистике, людей с истероидной акцентуацией немало). Гендерные особенности поведения истероидов имеют также немаловажное место: если истероидным женщинам в критических ситуациях свойственны плач, причитания, метания с воплями и рыданием, то мужчины-истероиды становятся агрессивны, отвечают злобой, остервенелостью на всякое давление, притеснение. Как мы понимаем, ни тот, ни другой вариант поведения не может рассматриваться как эффективный. В эпицентре трагедии для заложников наиболее полезно то поведение, что позволяет им быть несгибаемым перед невзгодами, разумно смелыми и осторожными. Людей, которые ведут себя подобным образом, к счастью, оказывается больше – их может быть 5–12 % среди заложников, эти люди морально поддерживают других, помогают им пережить заточение. Кроме того, среди заложников много метущихся (так называемые «одинокие») – около 30–50 %. Такие люди морально подавлены, психически оглушены, и их страдание способно заглушить все прочие чувства, что мешает общению и рациональному поведению. И, конечно, чем дольше, интенсивнее и трагичнее давление экстремальных условий, чем тягостнее психическое изнурение заложников, тем больше людей ведут себя таким образом. В рассматриваемой экстремальной ситуации существует тенденция заложников сближаться с захватившими их террористами. Такие люди делятся на два типа. Первый тип (10–25 % от общего числа заложников) – это люди, которые сближаются с террористами расчетливо, для улучшения хоть сколько-нибудь своего существования, уменьшения угрозы террора лично для себя и своих близких. Их называют «припешниками» террористов. В свою очередь, «припешники» делятся на расчетливо-разумных и расчетливо-злых. Первые исходят в своем поведении из принципа: «Жертвуя собой, мы для пользы других пошли служить врагам. Мы не «предатели», а тайные «свои». Расчетливо-злые служат врагам, притесняя или, напротив, услужливо помогая, слабым заложникам для обнаружения возможности возвыситься при новой расстановке сил. Людей второго типа заложников, сближающихся с террористами,

около 20-30 %. Эти люди ощущают как бы родственную близость с захватившими их террористами, разделяя с ними их переживания и неприязнь к спасителям (речь идет обо всем известном «стокгольмском синдроме»). Сначала заложники делают это для спасения своей жизни в стрессовой ситуации, чтобы избежать насилия, ведь смирение и демонстрация смирения снижают почти любую, даже самую сильную, агрессивность. Затем – потому, что зарождаемое отношение к человеку, от которого зависит жизнь, полностью охватывает заложника, и он даже начинает искренне симпатизировать своему мучителю. То есть появляется сильная эмоциональная привязанность к тому, кто угрожал и был готов убить, но не осуществил угрозы.

«Стокгольмский синдром» стал объектом пристальных исследований психологов разных направлений и школ. Однако общее в представлениях разных исследователей заключается в признании того, что синдром прямо связан с механизмами психологической защиты, которые, несомненно, имеют место в ситуациях подобного рода, о чем мы уже писали выше. Психологические защиты имеют своей главной целью защитить психику человека от разрушения. Потому положительная сторона «стокгольмского синдрома» может быть обозначена в том, что снижается опасность посягательств на жизнь и здоровье жертв преступления, увеличивается возможность их освобождения террористами (что первостепенно в наличных условиях). Однако не только положительная сторона характеризует «стокгольмский синдром», отрицательная заключается в том, что террористы не пренебрегают использовать жертв преступления для оказания воздействия на органы правопорядка: жертва может оказывать противодействие сотрудникам органов безопасности, помогая террористам скрыться с места преступления или скрывая следы, вещественные доказательства, не обозначая при проведении следствия и поиска доказательств виновности террористов и т. п.

С абсолютной достоверностью нельзя сказать о том, что то или иное поведение человека, находящегося в заложниках террористов, может быть более эффективным. Одна из характеристик экстремальной ситуации – ее уникальность, что определяет неготовность человека к ситуациям подобного рода. Это во всем определяет и уникальность складывающихся обстоятельств. Как все мы понимаем, не только ситуация и условия уникальны, неповторима и психика человека, его опыт и интересы – как заложник, так и террорист склонны вести себя самым непредсказуемым

образом, тем более в таких уникальных условиях. В связи с этим субъективности в оценке самого эффективного варианта поведения, к сожалению, не избежать. Однако рациональное поведение – оптимальный вариант в любой ситуации и в ситуации захвата заложников, в частности. Таким образом, поведение «стойкого» типа людей, находящихся в заложниках террористов, оказывается наиболее эффективным и перспективным для выживания.

В связи с этим оказывается очень важным обучение людей быть стойкими, непоколебимыми, адекватно оценивающими обстановку в экстремальных ситуациях, могущих случиться в жизни любого человека. Конечно, описанное возможно лишь в обычных условиях, не чрезвычайных. Здесь сыграют определенно свою роль методы психологии – социально-психологические тренинги, курсы повышения квалификации, семинары, мастер-классы и т. п. Определяя их структуру, очень важно учитывать индивидуально-психологические особенности каждого человека, ориентируясь на имеющиеся данные о специфике поведения людей в подобных ситуациях. В рамках описанных методов, мы полагаем, важно: 1) развивать креативность человека (как комплексное свойство личности, определяющее нестандартность ее мышления и поведения, способствующее эффективности выполняемой деятельности), 2) повышать стрессоустойчивость личности (что определяет отсутствие неизбежных психогенных расстройств после экстремального события), 3) развивать личностные качества, способствующие успешности поведения и жизни в целом: целеустремленность, решимость и сила воли, компетентность, конкурентоспособность, смекалка и изобретательность и пр. И изучение специфики, возможностей и особенностей реализации программ по развитию и формированию указанных качеств представляет для нас исследовательский интерес.

Литература

1. Осухова Н. Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях /Н. Г. Осухова. – М. : Изд. центр Академия, 2007. – 285 с.
2. Сидорова П. И. Психология катастроф /П. И. Сидорова, И. Г. Мосягин, С. В. Маруняк. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 414 с.
3. Малкина-Пых И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях /И. Г. Малкина-Пых. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 960 с.
4. Китаев-Смык Л. А. Психология «чеченской войны» // Архетип. – 1995. – № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕЖЕГОДНАЯ ОТКРЫТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИГУ «КЛИО-2013»

Секция «АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА»

<i>Савинова А. С.</i> История изучения археологических объектов острова Ольхон: к проблеме разрушения памятников культурного наследия	3
---	---

Секция «ИСТОРИЯ РОССИИ В X – НАЧАЛЕ XX В.»

<i>Адамова К. А.</i> Лютеранство в Иркутске в дореволюционный период	7
<i>Болотова Е. А.</i> Воззрения сибиряков на отечественную действительность в периодической печати начала XX в.	10
<i>Дидина С. А.</i> Деятельность Иркутского городского общественного управления по призрению нищих в конце XIX – начале XX в.	14
<i>Корчиго Ю. П.</i> Черты представительных органов европейских конституций первой половины XIX в. в «Государственной уставной грамоте» 1820 г.	16
<i>Лютина Е. А.</i> Иркутский государственный университет Нижний Земский суд Киренского уезда	20
<i>Савинский Е. Н.</i> Трансформация оценок «Смутного времени» в отечественной историографии	23
<i>Сверлова О. С.</i> Цензура в Сибири второй половины XIX – начала XX в.	26
<i>Сергеева Ю. П.</i> Роль первого председателя в организации Иркутской судебной палаты	29

Секция «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XX – НАЧАЛА XXI В.»

<i>Алексеева И. В.</i> Выявление «врагов народа» среди забайкальского учительства в 1930-е гг.	33
<i>Колокольников И. А.</i> История музыкальной жизни Иркутска первой половины 1940-х гг.	36
<i>Сулима М. Я.</i> Театральный процесс в СССР 1950–1960-х гг.	40

Секция «МИРОВАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА, НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ»

<i>Динь Т. Т. З.</i> Внешняя политика Ватикана в период холодной войны (1946–1991 гг.)	44
--	----

<i>Перфильева А. Б.</i> Основные этапы развития противолодочной обороны Великобритании во Второй мировой войне	46
<i>Суханова Н. Н.</i> Германский вопрос в советской прессе 1949 г.	50
<i>Федосова Е. А.</i> Венецианская дипломатия в XIII–XIV вв.	56

Секция «СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

<i>Куклина А. С.</i> Перспективы развития российско-японских отношений на современном этапе	60
<i>Курбанова Н. М.</i> Российские оценки военных операций США против Ирака в 1991 и 2003 гг.	63
<i>Ринчинов А. Б.</i> Перспективы формирования Бурятской автономии в КНР	67
<i>Тамарович А. Ю.</i> Специфика регионального развития в условиях глобализации (на примере Каталонии и Сибирского региона)	70
<i>Чугунова Н. Е.</i> Иммиграционная политика России и Франции: сравнительный анализ	74
<i>Юрышев А. В.</i> Проблема урегулирования сирийского конфликта 2011–2013 гг.	77

Секция «ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ»

<i>Неустроева А. В.</i> Сопоставительный анализ зоонимичных фразеологизмов в русском, английском и японском языках	81
--	----

Секция «ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

<i>Рохлина Е. В.</i> Кризис политического сознания россиян и пути его преодоления	85
<i>Соколов А. В., Маклашин И. С.</i> Интернет как среда гражданской активности	88
<i>Соловьева А. В.</i> Мотивация участников гражданских движений	93

МЕЖВУЗОВСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

<i>Бобков А. И., Усов Е. Г.</i> К вопросу о противодействии терроризму	97
<i>Коцубенко А. К., Наумова Н. С.</i> К проблеме типологии поведения жертв терроризма	101